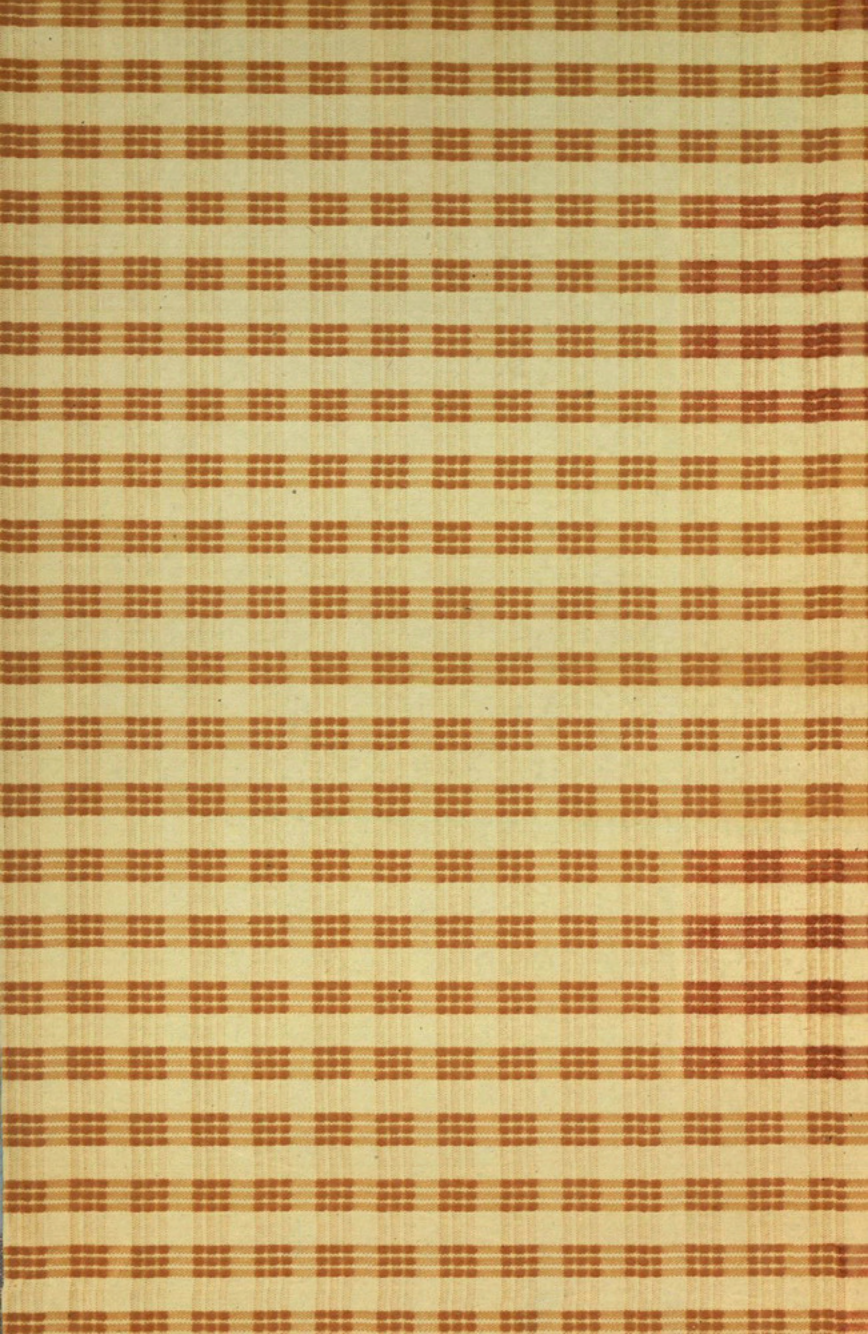
П. С. Иващенко

РЕЛИГІОЗНЫЙ КУЛЬТЪ ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДА

ВЪ ЕГО ПОСЛОВИЦАХЪ

РЕЛИГІОЗНЫЙ КУЛЬТЪ
ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ПОСЛОВИЦАХЪ.

(РЕФЕРАТЪ Д. ЧЛ. П. С. ИВАЩЕНКО, ЧИТАННЫЙ ВЪ СОБРАНІИ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 17 ІЮНЯ 1874 Г.).

Мм. Гг.!

Религіозныя понятія въ дохристіанскомъ по нынѣшнемъ, христіанскомъ, смыслѣ слова, или религіозный культъ, запечатлѣнный южно-русскимъ народомъ въ его пословицахъ, составляютъ предметъ моего сообщенія. Сообщеніе это основано на ознакомленіи моемъ съ южно-русскими пословицами, къ которымъ я обратился (вопреки мнѣнію объ ихъ значеніи, для подобнаго моему предмета, извѣстнаго нашего ученаго Аѳанасьева, который говоритъ: «*пословицы, поговорки, присловья и прибаутки мало представляютъ намековъ на языческія вѣрованія*». П. В. Сл. на прир., т. I, стр. 26), по слѣдующимъ соображеніямъ: во 1-хъ, въ пословицахъ, какъ цвѣтѣ поэтической народной рѣчи, какъ лаконическихъ, но ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ логическихъ и опытныхъ мыслей, предметъ, насъ интересующій, долженъ предстать въ большей рельефности и обособленности, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо разрядѣ устныхъ произведеній; во 2-хъ, хотя пословицы — такое же словесное воплощеніе народнаго міросозерцанія, какъ и другія устныя произведенія, но онѣ надѣлены своеобразною формою, и форма эта такова, что, благодаря ей, пословицы безпрепятственно служатъ повседневнымъ, можно сказать, ежечаснымъ и ежеминутнымъ, словеснымъ орудіемъ въ

жизни простаго народа; съ ними онъ ложится спать, встаетъ, ѣстъ, пьетъ, работаетъ; ими онъ учитъ подростающихъ членовъ своей народной семьи и укрѣпляется въ теоретическихъ и практическихъ понятіяхъ своихъ самъ; словомъ, это зеркало народной души, какою она является не въ моменты веселаго или грустнаго настроенія, не въ часы занятій или досуга, не въ одеждѣ богача или бѣдняка и нищаго; нѣтъ, это зеркало народной души, какою она является во всякій данный моментъ и при всѣхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни. Поэтому-то пословицы, по моему мнѣнію, главнѣйшій и преимущественный словесный народный матеріалъ, въ которомъ слѣдуетъ искать основныхъ началъ народнаго міросозерцанія. Никакой другой родъ устныхъ произведеній не находится въ условіяхъ своего существованія и значенія, подобныхъ пословичнымъ, какъ напримѣръ: сказки, пѣсни, духовные стихи, заклинанія, загадки и проч. Въ нихъ найдется подробное, болѣе или менѣе, развитіе извѣстной темы; но зерно темы, основная истина, заключается прежде всего въ главномъ хранилищѣ народной мысли обо всѣхъ сторонахъ жизни, т. е., въ *пословицахъ*.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію пословичнаго содержанія религіознаго культа, нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ, для обозначенія порядка и характера своего обозрѣнія, объ общихъ условіяхъ развитія и организаціи религіознаго культа. Культъ Южно-Русскаго народа, какъ и всякаго другаго, развивался, складывался въ зависимости отъ слѣдующихъ двухъ общихъ категорій условій: *этнографической* и *исторической*. Условія первой категоріи возникали подъ вліяніемъ непосредственнаго общенія народа съ окружавшею и окружающею его природою, при дѣйствованіи на него атмосферическихъ, климатическихъ и почвенныхъ явленій и силъ и воздѣйствіи на нихъ народнаго сознанія, на какой бы низкой ступени развитія ни находилось послѣднее. Всѣ, такимъ образомъ возникшія условія, нашли себѣ ближайшее выраженіе въ вѣрованіяхъ, преданіяхъ, нравахъ, обычаяхъ и языкѣ народа, т. е. во всемъ томъ, что заставляетъ насъ отличать одинъ народъ отъ другаго, какъ ко-

лективныя единицы, различныя по своей внѣшней и внутренней жизни. Условія второй категоріи, историческія, возникали въ слѣдъ за историческими событіями въ сферѣ политической, соціальной и духовно-нравственной жизни. Взаимодѣйствіе тѣхъ и другихъ условій, результатъ смѣшенія или же соединенія однихъ съ другими неизбѣжно налагаетъ свою печать и на религіозный культъ. Историческое христіанство, напримѣръ, не въ состояніи было вытѣснить здѣсь этнографическаго, какъ исконнаго элемента въ жизни, язычества; тотъ и другой элементъ въ области пословичныхъ понятій религіознаго культа то бытуютъ рядомъ, то соединяются, то сливаются въ одно цѣлое. Реальныя бытовыя условія жизни народа равнымъ образомъ вліяютъ на организацію и развитіе его культа. Уже одно знакомство съ религіозными пословичными понятіями дастъ замѣтить, что религіозный культъ Южно-Русскаго народа сложился въ теченіи вѣковъ на основаніяхъ, данныхъ внѣшнею и внутреннею коллективною жизнью народа и окружающею его природою. Такое замѣчаніе объ условіяхъ развитія и организаціи культа находитъ себѣ подтвержденіе въ заключеніи извѣстнаго нашего ученаго и профессора г. Ор. Миллера [высказанномъ имъ, правда, мимоходомъ (Опытъ историч. обозр. Русск. словесн. Ч. I, в. 1, стр. 125, вып. 2)], что «*Nihil est in religione, quod non fuerit in vita*». Мы позволимъ себѣ распространить его двумя словами, а именно: ...quod non fuerit in *naturae* et *hominum* vita, имѣя при этомъ въ виду не обновленіе мысли своего книжнаго учителя, а лишь — болѣе полное выраженіе ея, подтверждаемое пословичными данными по вопросу о религіозномъ культѣ Южно-Рус. народа.

Содержаніе настоящаго сообщенія опредѣляется содержаніемъ понятія — *религіозный культъ*, куда, какъ въ общее понятіе, должны войти другія, по сравненію съ нимъ, частныя; это, во 1-хъ, общія понятія о вѣрѣ (религіи); понятія о свѣтлой силѣ (Богѣ, ангелахъ и святыхъ) и—темной силѣ (чортѣ и вѣдущихъ людяхъ); во 2-хъ, понятія о смерти и послѣсмертной жизни (рай и пекло — адъ); въ 3-хъ, обычное чествованіе свѣтлой силы— праздники; въ 4-хъ, церковь, какъ спеціальное мѣсто чествова-

нія и *піп* (священникъ), какъ посредникъ между чествуемыми предметами и людьми. Поэтому и самое обозрѣніе культоваго содержанія въ пословицахъ должно распасться на четыре отдѣла, сообразно съ четырьмя отдѣлами религіозныхъ понятій [1]).

[1]) Источники и пособія: Украïньскі приказки. Збірникъ Марковича и другихъ. Изд. Номиса 1864 г.—Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ зап. рус. край. Юго-Зап. Отд. т. III, 1872 г.—Поэтическія возрѣнія славянъ на природу А. Аѳанасьева, т. 1—III, 1866—69 г.—Опытъ историч. обозрѣнія Рус. Словес. Ор. Миллера, 1865 г.

I.

Общія понятія о вѣрѣ. Понятія о свѣтлой силѣ (о Богѣ, ангелахъ и святыхъ) и темной силѣ (чортѣ и вѣдущихъ людяхъ).

Въ пословицахъ о вѣрѣ нѣтъ положительныхъ, прямыхъ опредѣленій—что́ такое вѣра (віра), религія; но есть опредѣленія отрицательныя, чрезъ сопоставленія; послѣднія же могли явиться въ сознаніи народа не раньше того времени, какъ онъ, подъ вліяніемъ этнографическихъ или историческихъ условій своего быта, узналъ къ чему она ведетъ. Смотря на вѣру, какъ на путь къ блаженной, небесной жизни, къ *царству,* народъ пользуется своими представленіями о царствѣ для опредѣленія важности вѣры; царство это сулитъ онъ тому, кто умираетъ за вѣру [1]). Не имѣющій же вѣры, или *невірний,* считается худшимъ жида и турка [2]), а потому—и недостойнымъ названной награды, —даже болѣе того: за убійство жида назначается разрѣшеніе отъ сорока грѣховъ [3]). Религіозная нетерпимость идетъ еще дальше; не только иновѣрныя исповѣданія третируются такъ сильно, но и другія, христіанскія исповѣданія—низводятся на самую низкую ступень: полякъ, какъ католикъ, приравнивается къ жиду и даже собакѣ [4]); а литовецъ никогда не можетъ стать истиннымъ

---

[1]) Хто за віру умірае, той собі царство мае (Сборн. послав. Номиса, стр. 1).

[2]) Невірний гірш жида або турка (2).

[3]) Жида убий—сорок гріхів з души (897).

[4]) **Жид, лях і собака—все віра однака.**

христіаниномъ [5]). Безъ сомнѣнія, не *религіозныя собственно мо*тивы положили основаніе той нетерпимости въ народѣ, какую находимъ въ пословицахъ, а соціальныя и историческія явленія въ его жизни, вызванныя тою или другою народностію, тѣ отношенія, въ которыя южно-руссъ ставалъ къ литовцу, турку, еврею и поляку; но только ненависть свою, вслѣдствіе весьма тяжелыхъ для него по временамъ результатовъ тѣхъ явленій и отношеній, народъ перенесъ, подъ вліяніемъ византійской исключительности, проникавшей въ его жизнь уже съ конца X в., и въ религіозное свое міросозерцаніе. Ясно такимъ образомъ, что южно-русскій народъ въ общихъ понятіяхъ своихъ о вѣрѣ стоитъ на строгой православно-восточной точкѣ зрѣнія.

Въ воззрѣніяхъ же на главнѣйшій предметъ вѣры — Бога понятія языческія идутъ рядомъ съ христіанскими, и религіозная нетерпимость, о которой было сказано, помимо названныхъ къ возстановленію ея мотивовъ, можетъ быть разсматриваема еще и какъ живой пословичный элементъ языческаго міросозерцанія; такимъ элементомъ слѣдуетъ считать допущеніе многобожія, противуположеніе своего бога чужимъ богамъ [6]). Рядомъ съ этимъ языческимъ воззрѣніемъ находимъ замѣчаніе уже въ христіанскомъ духѣ: не пригоже молиться двумъ богамъ [7]). Принципъ единобожія, для котораго были уже основанія и въ славянской миѳологіи (Сворогъ = Святовитъ = Небо. Аѳанасьевъ, П. В. С. т. I, 129), утвердился въ сознаніи народа подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и выражается въ тѣхъ пословицахъ, гдѣ говорится о Богѣ, какъ первенствующемъ въ мірѣ существѣ; онъ одинъ вмѣстѣ съ міромъ почитается, какъ бытіе вѣчное, все же остальное въ мірѣ почитается тѣнью преходящею [8]). Мѣстопребываніемъ божества служитъ небо, откуда оно управляетъ міромъ

---

5) З литвина не буде християнина (748).

6) І нашому Богу і вашому (3007) — і нашъ Богъ — не вбог (2124). — Ні яким богом не допросисся (4680). — кланятися, чужим богам, маючи свої (4798).

7) Двом богамъ ніколи не молятьса (3013).

8) Над Богом нема нікого (6) — Усе тінь минуща, одна річ живуща — світ з Богом (393).

вообще и дѣйствіями людей въ частности [9]). Во взглядахъ на божество, какъ на управителя небесными явленіями и силами природы, замѣтно сказываются понятія языческія; напримѣръ: громъ отождествляется съ гнѣвомъ бога; громъ и молнія представляются его угрозою; допускается неповиновеніе его распоряженіямъ со стороны, напримѣръ, дождя; послѣдній является какъ бы самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, отказываясь слѣдовать повелѣнію Бога [10]). Такое представленіе божества-управителя есть то, подновленное христіанствомъ, языческое воззрѣніе, по которому Богъ управлялъ всѣми названными выше явленіями, какъ частями собственнаго существа (Аѳ. П. В. С., I, 60). Не христіанскія понятія выражаетъ народъ и тогда, когда молитвою преслѣдуетъ только утилитарныя цѣли [11]). Очевидно, что такія понятія не иное что, какъ остатки воззрѣній на божества еще миѳическихъ временъ, когда божества чествовались молитвами, съ цѣлью привлечь ихъ на свою, человѣческую сторону,—получить отъ нихъ извѣстныя блага или отвратить ихъ отъ неблагопріятныхъ для человѣка дѣйствій. Приписывая божеству постоянную заботливость о людяхъ и считая его непогрѣшимымъ въ его дѣйствіяхъ, населяющихся людей [12]), пословицы въ то же время выражаютъ понятія о необходимости самодѣятельности,—обращенія къ собственнымъ физическимъ и духовнымъ силамъ,—о важности гражданскаго общества [13]); въ этихъ понятіяхъ про-

---

[9]) Бог високо, а царь далеко (8076).—Пошли, Боже, з неба, чого нам треба (117)—без Бога-ні до порога (4).—Який Бог змочив, такий і высушить (17). NB. «Въ большей части языковъ слова, означающія *небо*, въ тоже время служатъ и названіями *бога*» (Аѳ. П. В. С., 1, 62).

[10]) Когда громъ гремитъ, то дѣтямъ говорятъ: «Богъ гримається» (565), или же во время грозы: «Господь золотою різкою свариться» (583).—Біг каже: «іди (дощику), де просять», и дощ: «піду, де косять» (581).

[11]) Що тому Богу молиться, котрий не милуе (7801)

[12]) Бог, сначала, з роду не гуляе, все вилами перекидае: один наїсться, другому подасть (13391).—Бог знае, що робить (33)—нам Бога не вчить, як намъ жить (35).

[13]) На Бога надійся, а сам не плошай (63).—Бога взивай, а руки прикладай (65).—Не все до Бога, треба й до розуму свого (13373).—Бог богом, а люди людьми (170).

свѣчивается раціоналистическій взглядъ на жизнь; для того чтобъ высказать ихъ, народъ долженъ былъ убѣдиться прежде путемъ вѣковаго опыта во вредѣ фатализма, сознать возможное торжество своихъ человѣческихъ силъ надъ природою. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть значительнаго шага на пути прогрессивнаго развитія народнаго самосознанія. Разумность требованія самодѣятельности отъ человѣка освящается тѣмъ, что даже неравное распредѣленіе матеріальныхъ и духовныхъ благъ между людьми установлено Богомъ съ тою цѣлью, чтобъ вызвать ихъ самихъ на самостоятельный и болѣе равномѣрный дѣлежъ ихъ между собою [14]), разумѣется, въ интересахъ людей же, потому что для Бога все равно—богатъ ли, бѣденъ ли [15]). Наконецъ, представленіе божества, какъ постояннаго промыслителя о людяхъ, отличается пластически-сельскимъ характеромъ: образъ Бога уподобляется скотарю, который подаетъ вилами кормъ травоядныимъ животнымъ (12). Смотря на Бога съ родственной точки зрѣнія, народъ именуетъ его отцемъ въ противуположность дяди, которымъ въ пословицахъ называется представитель верховной власти на землѣ [16]).

Объ ангелахъ пословицы почти ничего не говорятъ. Видно, что понятіе о нихъ, предлагаемое христіанскимъ ученіемъ мало, сравнительно, сознано народомъ, по самой отвлеченности ихъ существа. Считая ихъ существами свободными отъ грѣховъ и даже возможности грѣшить, пословицы представляютъ ихъ также любителями простоты, понимаемой, надо думать, въ смыслѣ правоты, истины [17]); такъ какъ подобная простота — правота является главнѣйшимъ мотивомъ бытовыхъ нравоучительныхъ сказокъ, въ которыхъ фигурируютъ обыкновенно три брата, изъ коихъ одинъ является простакомъ-дуракомъ; но въ заключеніе сказочнаго дѣйствія его простота торжествуетъ. Общія представ-

[14]) Бог не рівно ділить—жде, щоб сами ділилися (86).

[15]) Що вбогий, що богатый—у Бога все рівно (80).

[16]) Бог-батько, государь-дядько (59).

[17]) Чоловік не янгол, жеб не согрішив (100).—Як бы янголи (святії) дім перелетіли (так тихо) (3315). Де просто, тамъ янголів зо сто (9889).

ленія о святыхъ точно также не отличаются подробностями. Святые, по пословичнымъ понятіямъ, являются въ качествѣ слугъ въ сношеніяхъ людей съ Богомъ [18]); за ними признается свойство безгрѣшности [19]); но рядомъ съ тѣмъ они же представляются народному пониманію нечуждыми и страстей человѣческихъ, доводящихъ ихъ до взаимныхъ споровъ и косоглядства [20]). Народное сознаніе такимъ образомъ не признаетъ за ними безусловной безгрѣшности, не въ состояніи будучи примириться съ мыслью о возможности безгрѣшности бывшихъ нѣкогда такихъ же людей, какіе остаются еще въ живыхъ. Поэтому, можетъ быть, тотъ же народъ, который такъ ревниво оберегаетъ свою вѣру, высказываетъ совсѣмъ не благочестивыя мысли, когда говоритъ, что, въ случаѣ недостатка въ пищѣ, онъ способенъ продать и святыхъ, т. е. священныя ихъ изображенія [21]). Ограниченный кругъ пословичныхъ понятій объ ангелахъ и святыхъ должно объяснить, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что предметы эти, явившіеся въ народныхъ представленіяхъ только въ историческую, христіанскую эпоху, не имѣютъ въ себѣ элемента этнографическаго, исконнаго языческаго, а слѣдовательно и реальнаго основанія для себя въ языческомъ міросозерцаніи.

По пословичнымъ понятіямъ, область вѣры ограничивается свѣтлыми собственно силами; въ противномъ случаѣ народъ не сулилъ бы царства, какъ награды, за понесенную смерть за вѣру; да иначе и быть не можетъ у народа, слывущаго христіанскимъ; но если это такъ въ примѣненіи къ теоретической сторонѣ народной вѣры, то въ дѣйствительности, въ практической ея области, совсѣмъ иное: въ послѣднемъ случаѣ въ область вѣры входитъ и понятіе о темной силѣ, какъ одинъ изъ самыхъ свѣжихъ и живучихъ элементовъ ея. Главное мѣсто тутъ принадлежитъ *чорту*; онъ является въ пословицахъ подъ раз-

---

[18]) Через слуг до пана, а через сьятих до Бога (146).

[19]) Не святий щоб не согрішив. (5198).

[20]) И між святими буває часом суперечка (споры, колотня) (3319).— Святий на святого часом скривиться (3318).

[21]) Як не підъїси, той святих продаси (12110).

ными именами; например: *нечистий, нечиста сила, хапко* (хватайко), *дідько, дябол (діаволъ), біс, чорт, сатана* и просто *той*. Существенной разницы между чертями, являющимися подъ указанными именами, нѣтъ; всѣ они существа темныя и одинаково враждебныя человѣку; будучи связанными единствомъ интересовъ, они помогаютъ другъ другу, а особенно *біс-чортові;* изъ послѣднихъ двухъ первый называется *рябеньким* (пестрымъ) въ противуположность второму, который считается по цвѣту чернымъ [22]). Взаимопомощь ихъ, однакожъ, не мѣшаетъ имъ вступать въ кулачный бой между собою [23]). По поводу кулачныхъ боевъ я позволю себѣ слѣдующую *смѣлую догадку,* предлагаемую мною, какъ вопросъ, рѣшеніе котораго не безинтересно и въ этнографическомъ смыслѣ. Вѣра въ кулачный бой чертей, совершаемый ими въ полнощное время, не подала ли повода къ тѣмъ кулачнымъ боямъ, которое у насъ по захолустнымъ мѣстамъ практикуется въ народѣ до послѣдняго времени? — Можетъ быть, что эти кулачные бои являются, какъ остатки спеціальнаго языческаго культа темной силы, чорта, подобно тому, какъ итальянскій карнавалъ составляетъ продолженіе спеціальныхъ празденствъ въ честь Діонисія; не основательно думать, чтобы народъ безъ особенно важной побудительной причины привязался къ кулачному бою, рискуя пожертвовать не только здоровьемъ, но иногда и жизнью, и чтобы такой обычай поддерживался нѣсколько вѣковъ, хотя бы и потерявши уже давно свой первоначальный смыслъ. Къ сожалѣнію, въ пословицахъ не находимъ данныхъ для положительныхъ выводовъ о кулачныхъ бояхъ.

Чортъ совершаетъ свои похожденія преимущественно въ ночное время, среди тьмы и мрака; такое пріуроченіе дѣйствій чорта

---

[22]) Нечистий его узяв (4191).—Побий тебе нечиста сила.—Побери їх хапко (4089).—З дідьком не сягай з одніі миски (5985).—Ти его медомъ масти, а він дяблем воня (7592).—Бодай тебе знав, що трясе очеретами (3754).—Чорт бісу потягае (4955).—Чорт біса із під купи бачить (7960).—Чорт чорний, а біс рабенький (168),

[23]) Ще чорти навкулачки не бились (т. е. еще не наступила полночь) (7786).

совершенно понятно, если вспомнимъ, что «за темнотою до сихъ поръ удержалось въ простонародьи представленіе чего то таинственно-страшнаго; обычная замѣтка: «*не къ ночи* будь сказано» есть родъ заклятія, чтобы не осторожно-сказанное вечеромъ слово не вызвало какой бѣды» (Аѳ. П. В. С., т. I, 100). Цѣлью ночныхъ похожденій чорта служитъ: опутываніе злыми сѣтями людей, нравственное убійство послѣднихъ *), покупка людскихъ душъ. Въ натурѣ чорта дѣлать непремѣнно что-либо злое; онъ, какъ сила темная, враждебная свѣту, быстро-уходитъ во свояси, лишь только заслышитъ голосъ пѣтуха, предвѣщающій разсвѣтъ [24]). Такое пониманіе ночныхъ похожденій чорта даетъ поводъ сближать его съ *Чернымъ богомъ*, который также способенъ былъ, по пословичнымъ о немъ понятіямъ, убивать людей [25]).

Съ утратою миѳическихъ вѣрованій и затемненіемъ первоначальныхъ основъ вѣры въ чорта, ему народъ сталъ приписывать извѣстную родословную, а именно: у чорта есть своя мать и бабка [26]); послѣдняя является превосходящею своею силою самого чорта; ее не въ состояніи перемудрить самъ чортъ и

*) Много должно было пройти времени, пока въ языческомъ народномъ міросозерцаніи совершился переходъ отъ понятій о дуализмѣ физическомъ въ природѣ къ понятіямъ о дуализмѣ въ области нравственной природы человѣка. У первобытныхъ племенъ сложилось сначала убѣжденье, что мракъ и холодъ, враждебные божественному свѣту и теплу, творятся другою силою -- *нечистою*, злою и разрушительною». Вотъ начало дуализма въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Первоначальныя его основанія въ физическихъ условіяхъ и ихъ различномъ дѣйствіи на живые организмы; изъ послѣднихъ организмъ человѣка служилъ общимъ критеріемъ въ различеніи добра отъ зла; человѣкъ не имѣлъ другой мѣры, кромѣ самого себя, своихъ собственныхъ выгодъ и невыгодъ. Къ этимъ готовымъ физическимъ основамъ присоединяются впослѣдствіи нравственныя (Аѳ. П. В. С., I, 92-93). Эти нравственныя основы и понятія закрѣплены въ сознаніи южнорус.-народа въ историческую эпоху христіанскимъ ученіемъ.

[24]) Чорт не спить, а людей зводить (194).—Курить, як чорт од какаріку (4420).—Продав (запродав) чортові душу (2923).—Чорте, де (куда) йдеш?»—Болото палити.—«Не буде горіти.»—Добре, мені аби пакість зробити! (3120).

[25]) Щоб тебе чорний бог убив (742).

[26]) Нечиста мати, чортова мати, бісова мати, дідчая мати видала, щоб сова зайця имала (6889).—Такая же баба: чорт бурої (дикої) баби (3557).—Біда біду породила, а біду—чортова мати (2154).

проигрываетъ ей дѣло; она способна исполнить то, чего чортъ не сможетъ [27]). Понятно, что здѣсь разумѣется не простая баба, а другая; но какая?.. Не сказочная ли Баба-Яга?....

Народному сознанію чортъ не представляется такимъ страшнымъ, какъ изображаютъ его, и народъ, какъ бы сознавая недостатки такого изображенія, говоритъ, что онъ не таковъ на самомъ дѣлѣ, какъ его *малюютъ* (рисуютъ) [28]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ пословицахъ же находимъ слѣдующій образъ чорта: онъ человѣкообразенъ, но съ рогами и хвостомъ; старъ и потому мудрый и хитрый; хотя хитрость чорта уступаетъ иногда хитрости людей, и при томъ было время, когда и чортъ былъ глупымъ [29]). Очевидно, что въ понятіяхъ о старости и мудрости, о молодости и глупости, народъ выражаетъ свои непосредственныя бытовыя наблюденія, при условіяхъ жизни, опирающейся на преданія, знаніе нравовъ, обычаевъ, большаго или меньшаго числа опытовъ и т. п. несложныя основы.

Главнымъ мѣстопребываніемъ чорта служитъ адъ (пекло), вода и болото; послѣднее даже преимущественно,—съ понятіемъ о немъ непремѣнно соединяется и понятіе о необходимомъ присутствіи въ немъ чорта [30]). Кромѣ того, жилище его считаютъ въ бузинномъ кустарникѣ [31]) и около сухой вербы, вѣроятно, въ дуплѣ ея [32]). Вслѣдствіе преимущественнаго пребыванія своего въ болотѣ, чортъ является загрязненнымъ [33]). Чортъ способенъ летать, опустивши ноги, и такимъ или инымъ способомъ

---

[27]) Бабу чорт не змудрує (9074).—З бабою и дiдько справу програє (9071)—Де чорт не зможе, там баба поможе (9072).

[28]) Не такий чортъ страшний, як его малюють (4233).

[29]) Багатий, як чорт рогатий (хвостатий) (1488).—Старий, як чорт (8650).—Чому чорт мудрий?—Бо старий (8677).—Хитрий, як чорт (2981).—Піп з христом, а чорт з хвостом (2698).—Мужик ворона хитріше чорта (1254).—Колись то й чорти дурні були (5355).

[30]) Аби болото, а чорти будуть (5417)—Шубовсть, як чорт у воду (13767)—Привик, як чорт до купини (13996)—Всякий чорт на своє кодло воду тягне (9733)—Ходить, як дідько по пеклу (3137).

[31] Въ бузиннику чорт живе (316).

[32]) Бъеться, як чорт коло сухоі верби (3749).

[33]) Вбравсь (въ грязь), як чорт (6649).

попадаетъ въ градовую тучу, гдѣ *подымаетъ пискъ* [34]. *Можно* думать, что въ понятіи о пискѣ чорта въ градовой тучѣ удержалось понятіе о пискѣ миѳическаго темнаго божества, преслѣдуемаго свѣтлымъ началомъ, молніею, особенно если припомнимъ, что «въ черныхъ тучахъ признавали нечистую силу» (Аѳ. П. В. С., I, 100—110) и что въ настоящее еще время сохраняется живое вѣрованіе въ народѣ въ раскаты грома и блескъ молніи, какъ орудія Бога для наказанія діавола за его грубое поведеніе въ отношеніи къ Богу: діаволъ ругается надъ Богомъ, показывая ему изъ воды свои заднія части [35]. Не считая чорта несокрушимо сильнымъ и особенно страшнымъ, народъ тѣмъ не менѣе неохочъ дразнить его, а иногда снисходитъ даже до чествованія его, говоря, что и чорту нужно бываетъ поставить свѣчу, или, обращаясь къ нему со словами, имѣющими значеніе заговора, проситъ чорта, предъ входомъ въ воду, чтобъ онъ не ломалъ костей, т. е. не причинилъ бы простуды, вѣроятно, и чтобъ онъ удалился изъ воды [36]. Слѣдовательно, въ народномъ сознаніи бытуетъ, какъ остатокъ глубокой языческой древности, понятіе о необходимости чествованія темной силы, сознаніе, принимающее въ настоящее время то охристіанизированную форму, то сохраняющее прежнюю языческую.

Подъ вліяніемъ языческаго представленія о торжествѣ свѣтлаго начала надъ темнымъ, укрѣпленнаго христіанскими воззрѣніями на тотъ же предметъ, чортъ является въ пословичныхъ понятіяхъ о немъ совершеннымъ простакомъ, попадается случайно въ рыболовныя снаряды, гдѣ подвергается насилію и глумленію надъ нимъ людей: его душатъ, зная напоредъ, что это чортъ; а на просьбу его отпустить, потому что онъ чортъ, а не рыба, ему замѣчаютъ иронически: «ничего, что чортъ! добрые люди съѣдятъ съ хлѣбомъ» [37].

---

[34]) Пищить, як дідько в градовій хмарі (12890).

[35]) Слышалъ изъ устъ народныхъ. Авт.

[36]) Бога не гнівп, а чорта не дрочи (5871).—И чортові треба часом свічку запалити (5872). — Чорток, чорток, не ламай кісток! ти з води, а я в воду (274).

[37]) Души, як чорта в верші (3949).—«Пусти, я чорт»!—Дарма, що чорт: ззідять добрі люде з хлібом (5174).

Выше было замѣчено, что преимущественнымъ временемъ чортовой дѣятельности служитъ полночь; но чортъ только этой порой не ограничивается: онъ въ дѣйствіи круглый день, и работы его самыя разнообразныя, являющіеся то въ языческомъ, то въ христіанскомъ колоритѣ; такъ напримѣръ: онъ переворачиваетъ горы, гонитъ вѣтеръ, производя вихри; если бросить въ послѣдній ножъ, то на немъ очутится запекшаяся кровь заколотаго чорта; онъ вратитъ песокъ, мутитъ воду, рветъ плотины, сѣетъ на поляхъ сорныя травы, ставитъ корчму тамъ, гдѣ Богъ — церковь, безобразитъ человѣческое лицо, деретъ съ людей *лика* (кожу), управляетъ грѣшными душами; онъ не прочь забраться и внутрь человѣка, если открытъ ротъ у послѣдняго; ему же приписывается устроеніе неудачныхъ браковъ, игра на дудкѣ и бубнѣ; онъ помогаетъ скупому и богатому, лишаетъ людей здраваго сужденія, идетъ съ ними въ пари, скачетъ отъ радости, если люди плачутъ, и радуется, если монахъ прыгаетъ въ весельи; но и самъ бываетъ въ слезахъ, когда попадаетъ въ затруднительное положеніе, когда ему не въ мочь исполнить что-либо желаемое [38]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что чортъ въ своей неутомимой и разнообразной дѣятельности, въ области природы и человѣческой жизни, является поборникомъ злаго начала, какъ постоянный нарушитель гармоніи бытія. Отсюда понятны обычаи и повѣрья народа, на основаніи которыхъ онъ въ настоящее время принимаетъ то христіанскія, то языческія охранительныя мѣры: на-

---

[38]) Чорт і горами перевертає (195)—Жене, як дідько вітри (11428).—Він мутить, як чорт піском, або водою (9859).—Крутить, мов чорт греблею (3424)—Кукіль—то полевого дідька робота (10140).—Де Біг церкву ставить, там дідько корчму (11785).—На его виді горох дідько молотив (8521).—Кричить, мов з его чорт лики дере (3454). Орудує нами, як чорт грішними душами (1083).—Роззявив рот, то вліз чорт (6647).—Чорт сім (або 30) пар постолів стоптав, поки таку пару підобрав (9023).—Кожный дідько на свою дудку грає (9743).—Розносився як чорт з бубном (5290).—Скупий (богатый) збірає, а чорт калитку шиє (4670 и 1449) — Богатому чорт дітей колише (1420).—Бог дасть судця, а чорт розсудця (7381).—Не заходи з дідьком у заклад (2593).—Люде плачуть, а чорт скаче (13378).—Чорт не плаче, коли чернець скаче (4998)—Чого чорт плаче?—Що панам людей не настаче (1141).

родъ осѣняетъ себя крестомъ въ виду *вихря*, *бури*, *при* зѣвотѣ и т. п. случаяхъ; особыми заклинаніями и обрядами охраняетъ новобрачную чету и проч., и проч. Чорта, діавола христіанскихъ временъ, народъ заставляетъ бояться ладану, креста и даже хлыста [39]).

Итакъ, при сопоставленіи всѣхъ отличительныхъ чертъ чорта, всѣхъ атрибутовъ его образа, нельзя не замѣтить, что южнорусскій типъ аримана сложился подъ вліяніемъ первобытныхъ миѳическихъ воззрѣній народа на природу,—бытовыхъ наблюденій надъ непрерывною борьбою добра со зломъ сначала въ мірѣ физическомъ, а потомъ и въ мірѣ нравственномъ, и что только окончательную санкцію своего бытія чортъ получаетъ изъ ученія христіанскаго. Вліяніе бытовыхъ наблюденій, въ дѣлѣ созданія образа чорта позднѣйшихъ временъ, подтверждается тѣмъ раціоналистическимъ отношеніемъ къ нему народнаго сознанія, слѣдуя которому, народъ позволяетъ себѣ обращать чорта въ игрушку своего остроумія. Глубоко вѣруя въ свои духовно-нравственныя если, народъ съ презрительной ироніей относится къ чорту, заставляя, напримѣръ, отвѣчать бабу—на вопросъ чорта: что о Богѣ и о немъ люди говорятъ?—что Бога славославятъ, а *васъ дуже на зуби взяли.* [40]). Выходитъ, что чортъ интересуется мнѣніемъ людей, голосомъ общественнымъ! И это чортъ—высшій представитель всего злого. Это обстоятельство указываетъ на его безсиліе; въ такомъ воззрѣніи народа нельзя не видѣть торжества раціонализма относительно идеи, лежащей въ основѣ бытія чорта.

Въ связи съ темною, враждебною человѣку силою—чортомъ находятся, по пословичнымъ понятіямъ, вѣдунъ и вѣдьма; они являются подъ слѣдующими именами: *відьмак, непевний, упир; відьма, непевна, упирь и чарівниця;* всѣ они съ родни другъ другу

---

[39]) Бійся попа, як той ладану (13382).—Жахаеться, як чорт хреста (5104).—Боїться, як чорт ладану (5105)—Едні дідьки бояться хреста, а другі батога (7918).

[40]) Питався чорт баби: «що о Бозі люде говорять»?—«Славлять, величають»—«А що о мені»?—«Якось вас дуже на зуби взяли». (198).

и бываютъ таковыми по рожденію и по воспитанію [41]). И хотя пословицы останавливаются преимущественно, если не исключительно, на характеристикѣ вѣдьмы, но все приписываемое вѣдьмѣ должно быть отнесено до извѣстной степени и къ другимъ существамъ на основаніи кровнаго ихъ родства между собою, какъ оно понимаются пословицами. Вѣдуны и вѣдьмы, сдѣлавшіеся такими чрезъ воспитаніе, считаются болѣе сильными и грозными, чѣмъ *родимые* [42]) Мѣстомъ рожденія признается адъ (пекло); но иныя вѣдьмы, называемыя просто бабами, ведутъ свое происхожденіе изъ мѣстъ, находящихся на семь миль дальше, чѣмъ—адъ; такія-то бабы—вѣдьмы по преимуществу въ числѣ родимыхъ [43]). Краткость пословичныхъ указаній не даетъ возможности представить полный кругъ дѣятельности вѣдьмъ; тутъ говорится только въ самыхъ общихъ чертахъ объ этой дѣятельности; напримѣръ: во время новолунія вѣдьмы или чаровницы, идутъ на границы; ночью летаютъ на Лысую гору и къ свѣту возвращаются домой; паденіе дождя, освѣщаемаго солнечными лучами, служитъ признакомъ занятій чаровницы приготовленіемъ масла [44]). На Лысую же гору отправляется и дідько, или чортъ [45]). Такимъ образомъ *Лысая,* открытая *гора,* нѣкогда мѣсто языческаго богослуженія, какъ объясняетъ г. Ор. Миллеръ (Оп. Ист. Обзр. Рус. Сл., стр. 76), въ настоящее время является мѣстомъ собранія нечистой силы, чертей и вѣдьмъ. Въ отправленіи вѣдьмы и чорта на Лысую гору, какъ общее мѣсто ночныхъ ихъ собраній, только и заключается, по пословичнымъ народнымъ воззрѣніямъ, сходство въ дѣйствіяхъ одного и другаго разряда темныхъ, нечистыхъ существъ. Но по общему колориту вѣдьмы и чорта нельзя не замѣтить родства между ними:

[41]) Відьмак и непевний—усім відьмам родич кревний (239). Упирь и непевна—усім відьмам родичка кревна (240).—Упирь і непевний—усім відьмам родич (240).

[42]) Гірше відьма вчена, як родима (235).

[43]) Баба з пекла родом (444)—Баба сім миль зза пекла (445).

[44]) Коли місяць в серп, то чарівниці ідуть на границі (межа) (237 и 5771)—Сонце світить, дощик кропить, чарівниця масло робить (236).

[45]) І на мудрім дідько на Лису гору їздить (6502).

происхожденіе вѣдьмы изъ *пекла* и изъ-за *пекла*, чудесная поѣздка на Лысую гору, добываніе масла, сравниваемое съ небеснымъ и атмосферическимъ явленіемъ,—все это свидѣтельствуетъ съ одной стороны о сближеніи ея народнымъ сознаніемъ съ нечистою, темною силою, а съ другой—о миѳическомъ происхожденіи образа вѣдьмы, относящемся къ отдаленной древности, когда вѣдунъ и вѣдьма, люди вѣщіе, служили посредниками между божествами и народомъ; посредничества это явилось необходимымъ тогда, «когда метафорическій языкъ утратилъ свою общедоступную ясность» и когда «для большинства (народа) понадобилась помощь вѣщихъ людей. Жрецы, поэты и чародѣи явились истолкователями разнообразныхъ знаменій природы, глашатаями воли боговъ, отгадчиками и предвѣщателями» (Аѳан. П. В. С., I, 32). Эти люди, «колдуны и вѣдьмы, по своему жреческому значенію, *могли* завѣдывать обрядами поклоненія не только свѣтлой силѣ, но и *нечистой*, которая необходимо требовала умилостивительныхъ жертвъ» (Аѳан. О колдов. въ древн. Руси. Современ. 1851 г., т. XXVI, отд. II). Слѣдовательно, теоретическія языческія понятія о вѣдьмахъ, осложненныя впослѣдствіи бытовыми воззрѣніями на этотъ родъ людей, подъ вліяніемъ уже христіанскихъ понятій, сводятся къ тому, что всѣ эти *відьмаки, непевні, упирі, відьми, чарівниці* считаются находящимися въ сношеніяхъ съ темною, нечистою силою и за ними признается общеніе и родство съ послѣднею.

II.

Смерть и послѣсмертная жизнь (рай и пекло—адъ).

Смерть, какъ актъ перехода изъ одной сферы бытія человѣка въ другую,—явленіе, по пословичнымъ понятіямъ, неизбѣжное и неустранимое, потому что отъ смерти лѣкарства нѣтъ; лести она не поддается; это необходимая дорога, открывающаяся послѣ шаткаго житья-бытья [1]); она представляется правдою по преиму-

[1]) Смерти не одперти (8240)—На смерть нема зілля (8251)—Смерть лести не знае (8252)—Смерть неминующая дорога (8241)—Життя наше, як паутина (3294).

ществу, не разбираетъ, кто богатъ и кто бѣденъ [2]). При такомъ естественномъ взглядѣ на актъ смерти, она собственно не представляется чѣмъ-нибудь ужасающимъ. Страшны недуги, предшествующіе ей, равно какъ и очевидныя данныя къ ней; но и тѣ не всегда имѣютъ такое значеніе; напримѣръ: когда смерть постигаетъ не одного, а нѣсколькихъ человѣкъ, когда приходится умирать *гуртом,* сьобща, то въ такомъ случаѣ и предшествующія ей мученія ставятся ни во что [3]). Духъ товарищества такимъ образомъ парализуетъ недуги и страданія; смерти же самой чего бояться, если она является народному сознанію желанною правдою на землѣ, если народъ, отягченный постояннымъ изнурительнымъ физическимъ трудомъ и ищущій покоя—отдыха, не считаетъ ее горемъ, а только — страшнымъ и великимъ моремъ [4]). Слѣдовательно, смерть, понимаемая какъ процессъ, представляется народному воображенію какою-то дорогой — моремъ, въ которую запасаются сухарями, какъ видно изъ послѣдующихъ пословицъ; по этой дорогѣ отправляется душа умершаго; идетъ она игриво, справляется съ моремъ, какъ родственной стихіей, плывя по немъ *наввиринки,* т. е. то погружаясь въ воду, то плывя по ея поверхности [5]); прибываетъ, наконецъ, на другую сторону этой дороги — моря, на *той бік* (на другой берегъ, сторону) и тамъ успокоивается отъ трудовъ житейскихъ [6]). Ясно, что въ такомъ представленіи послѣсмертнаго пути, дороги — моря, еще живьемъ — живо языческое пониманіе «дороги къ солнцу на небесную гору, шедшей чрезъ воздушное море; подъ *тим боком,* тою стороною, скрывается понятіе о небесномъ царствѣ—островѣ Буянѣ—окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою

[2]) Тілько то й правда на світі, що смерть: вона не знає, хто бідний хто багатий (8241).

[3]) Не смерть страшна, а недуги (8154)—Видима смерть страшна (8295)—У гурті той смерть не страшна (10729).

[4]) (2)—Смерть не горе, а страшне велике море (8283).

[5]) Пішла душа наввиринки (8237)—Нехай мруть, та нам дорогу труть; а ми сухарів насушили, та й за ними рушили (8282).

[6]) Про вмерших родичів, особливо ж про дітей кажуть: «На тім боці» (8304)—Тоді одпочинемо, як помремо (10031).

(Аѳ. П. В. С., т. II, 130). Народъ, *пребывающій въ непрерывномъ трудѣ*, смотритъ и на смерть, какъ на потерю рабочаго дня [7]).

Однакожъ, какъ бы живо ни рисовало себѣ народное творчество послѣсмертнаго бытія, какой бы лучшей участи ни сулило оно человѣку въ новой, далекой области, все же вопросъ оставался недоступнымъ для провѣрки опытомъ; отсюда сомнѣніе, скептицизмъ; причины такого явленія понятны: жизнь досмертная—жизнь реальная, осязаемая, послѣсмертная же напротивъ—предполагаемая, воображаемая. Подъ вліяніемъ скептическаго настроенія, народу естественно было сказать на счетъ смерти слѣдующее: «человѣкъ живетъ, живетъ, а затѣмъ не вѣсть куда скрывается» [8]).

Очевидно, что всѣ приведенныя понятія о смерти не иное что, какъ живые остатки языческаго религіознаго міросозерцанія, и нельзя не замѣтить, что понятій тѣхъ совершенно не коснулось христіанское вліяніе. Раціоналистическій анализъ представленій о неизбѣжномъ переходѣ человѣческаго существа изъ одного состоянія въ другое привелъ къ скептическимъ заключеніямъ о немъ; отсюда близко уже и до ироническаго, такъ свойственнаго Южно-Русскому народу, отношенія къ смерти, и въ самомъ дѣлѣ: безнадежно-больнаго человѣка, который завѣдомо долженъ умереть, народное творчество заставляетъ говорить такъ: «уже я, вѣроятно, поправлюсь (въ смыслѣ отправлюсь) священнику въ мошну (кошель)», т. е. что за погребеніе меня придется платить священнику [9]).

Рядомъ съ пословичными понятіями о смерти, какъ явленіи естественно-неизбѣжномъ, и понятіями о послѣсмертномъ состояніи безъ всякихъ наградъ и наказаній, то о хорошемъ житьѣ, желанномъ отдыхѣ, то совершенно неизвѣстномъ,—существуютъ и такія понятія, которыя возникли уже подъ вліяніямъ христіанско-историческихъ условій на основахъ языческо-этнографиче-

---

7) Коли вмірати то вміратя—то все треба день стиряти (4269).

8) Жили-жили, а чор-зна (чортъ знаетъ) де ділися (8272).

9) Уже я поправлюсь мабуть попові въ калитку (7223).

скихъ; въ нихъ начало языческое чередуется съ христіанскимъ; въ зависимости отъ послѣдняго возникли, напримѣръ, представленія о другомъ свѣтѣ, послѣсмертной области жизни, заключенной въ предѣлы рая и *пекла* (ада). По строго-языческимъ понятіямъ, послѣсмертный міръ не былъ инымъ міромъ, противуположнымъ первому, досмертному; послѣдній какъ бы первый; переходъ изъ перваго во второй стоилъ потери рабочаго дня и только; затѣмъ предстояла дорога, въ которую запасаются сухарями, значитъ, дорога далекая; а тамъ, въ концѣ пути, на другой сторонѣ моря—отдыхъ или же полная неизвѣстность. Такъ-было до проникновенія христіанскаго ученія въ сознаніе народа; но послѣ того понятія о послѣсмертной жизни уже измѣнились; этотъ другой міръ сталъ мѣстомъ возмездія и всякихъ разверстаній обязательствъ; тутъ мѣсто для наградъ и наказаній, пожалованій и кары отъ божества, которое и раньше все видѣло и знало, да окончательное свое опредѣленіе пріурочивало ко времени пребыванія людей въ другомъ, неземномъ мірѣ, *на тім світі* [10]). Божеству приписывается такимъ образомъ какое-то злостное и затаенное желаніе возможно-строже наказать, когда его заставляютъ все знать и видѣть, но удерживаютъ отъ предупрежденій, вооружая его терпѣливымъ молчаніемъ съ тою какъ бы цѣлью, чтобъ ужъ разомъ выместить (10); тутъ всякіе расчеты: то угольемъ, то пирогами [11]); тутъ же ограниченіе или полный отказъ въ питьѣ [12]); послѣднее воззрѣніе на жизнь въ другомъ мірѣ должно было повлечь за собою стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ и пресыщенію земными благами: *на небѣ не дадутъ*; а далѣе и къ полному сенсуализму и равнодушному отношенію къ тому, что бы тамъ ни было въ другомъ мірѣ [13]). При этомъ еще понятіе народа (котораго не берусь теперь объяснить) о томъ, что, если зять не билъ своей тещи,

---

[10]) Бог все бачить, та не скаже; а вже разом покарає на тім світі (52).

[11]) Бог з тобою, розсчитаємось на тім світі (10640).—Оддасть на тім світі угіллям (10637)—Бог з ним, на тім світі оддасть пиріжками (4131).

[12]) Напиймося тут, бо на небі не дадуть (5933).

[13]) Та єму на тім світі хоть тин душею підпірай, аби єму тут гаразд (8938)

то будетъ *на тім світі пасти* зайцевъ, поддерживало, рядомъ съ указанными выше воззрѣніями, грубость въ жизни и людскихъ отношеніяхъ [14]). Изъ только-что приведенныхъ понятій народа объ условіяхъ послѣсмертнаго состоянія людей нельзя невидѣть того, что народное творчество внесло въ область загробной жизни, какъ понималась она христіанскимъ ученіемъ, свою непосредственную бытовую жизнь, прикрывъ его завѣсой христіанскаго ученія.

«Я уже замѣтилъ выше, что жизнь, противуположная земной, заключается пословичными понятіями въ предѣлы рая и пекла, или ада. Представленія о раѣ и адѣ, выраженныя въ пословицахъ, отличаются общностію и неопредѣленностію; изъ нихъ извѣстно, что рай—мѣсто желанное, но не всѣмъ доступное; туда идутъ безгрѣшные; попадаютъ туда иногда и противъ желанія, если только того Богъ захочетъ [15]). Замѣтно даже нѣкоторое равнодушіе и ироническое отношеніе къ райской жизни, съ понятіемъ о которой у народа возникаетъ представленіе, что тамъ нужно будетъ порадѣть и о дровахъ, чтобъ пообогрѣть себя [16]). Такимъ образомъ сознаніе народа, испытавшаго суровый климатъ своей континентальной страны, не можетъ охотно помириться даже съ тою мыслью, что въ раю, новой обѣтованной землѣ, онъ будетъ свободенъ отъ заботъ защищать себя отъ холода. Поэтому-то жизнь въ аду, *в пеклі,* тому же народу кажется не особенно страшною; онъ даже радуется тамошней теплотѣ и съ удивленіемъ замѣчаетъ: «какой то адъ, когда въ немъ тепло!» [17]). Онъ предпочитаетъ быть съ разумнымъ въ аду, чѣмъ съ дуракомъ въ раю [18]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ же пословицахъ адъ изображается мѣстомъ темнымъ, мѣстомъ мученій, назначаемымъ въ наказаніе за грѣхи, къ которымъ

[14]) Хто повідає—ні единого разу тещі не бив, той буде на тім світі зайців пасти (9416).

[15]) Волно Богу і звязавши в рай укинути (24).

[16]) У пеклі все тепло, а піди в рай, то й дровами дбай (200).

[17]) Що то за пекло, що тепло (199)—Хоч у пекло, аби тепло (13684).

[18]) Лучче з розумним у пеклі, чім з дурнем в раю (6176).

относится и лѣность; путь туда почитается кратчайшимъ, совершаемымъ безъ усилій, и возврата оттуда нѣтъ [19]).

Имѣя въ виду приведенныя понятія и представленія о смерти и послѣсмертной жизни, слѣдуетъ заключить, что Южно-Русскій народъ въ воззрѣніяхъ своихъ на эти предметы не только не отрѣшился отъ исконныхъ языческихъ вѣрованій, но даже держится ихъ предпочтительно христіанскимъ; послѣднія являются только какъ необходимый колоритъ историческихъ событій, или что тоже: христіанское ученіе о послѣсмертной жизни и состояніи людей дало народному сознанію, и то отчасти, только общія, формальныя о нихъ понятія, совершенно почти не коснувшись самаго акта смерти, на который народъ смотритъ съ языческо-раціоналистической точки зрѣнія, давая при этомъ полный просторъ своему поэтическому воображенію.

III.

Обычное чествованіе свѣтлой силы (Бога и святыхъ)—праздники.

Праздникомъ, или *святом*, считается въ пословицахъ время свободное отъ работы, къ которой побуждаетъ жизненная нужда; далѣе этого непосредственнаго и утилитарнаго пониманія значенія труда и работы не идетъ народное сознаніе. Работа и трудъ являются главнѣйшими орудіями въ борьбѣ за существованіе; слѣдовательно, кто свободенъ отъ необходимости вести эту борьбу, кто стоитъ внѣ всякой зависимости отъ природы и людей, для того постоянное празденство, непрерывное свято; отсюда ясно, почему у Бога ежедневно праздникъ [1]): свободнѣе божества никого нѣтъ, и если оно представляется безпрестанно дѣятельнымъ, работающимъ, какъ промыслитель о мірѣ, то такая работа считается не въ работу, потому что она вызывается общими свой-

[19]) У голові, мов у пеклі, нічого не видно (13571)—Тепер єму так, як грішникові до гарячої сковороди (5098).—Хто спить до сонця сходящого, той не втече пекла горящого (11304—До Бога важкий шляхъ, а до пекла прямесенький (201).

[1]) У Бога що дня празникъ (185).

ствами *божеской* натуры, а не необходимостью житейскою. Работа же понимается, какъ дѣло чорта: въ то время, какъ Богъ даетъ праздникъ, чортъ суетъ работу [2]). Смотря на свято, въ общемъ его значеніи, какъ на отдохновеніе отъ трудовъ, народъ въ пословицахъ своихъ выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свой взглядъ на вредную сторону искательства праздниковъ; такъ напримѣръ: охотникъ до праздниковъ терпитъ недостатокъ въ одеждѣ, особенно радующійся имъ — спозаранку напивается [3]). Преимущественный праздникъ—это недѣля, воскресенье; о немъ пословицы говорятъ, какъ о наиболѣе извѣстномъ, не требующемъ и поясненій, что это именно праздникъ [4]). Приведенныя такимъ образомъ общія понятія о праздникахъ, *свʼmi,* даютъ понять, что въ основныхъ воззрѣніяхъ на нихъ лежитъ христіанская идея, но весьма мало сознанная народомъ; тутъ представленіе объ успокоеніи послѣ трудовъ, но не видно взгляда на нихъ, какъ на способы чествованія свѣтлой, благодатной силы. Значитъ, общая христіанская идея о праздникахъ понимается народомъ внѣшно и исчерпывается въ своемъ содержаніи непосредственными условіями трудовой народной жизни; тутъ и желаніе праздничнаго времени, и ограниченіе этого желанія; изъ-за праздниковъ для людей, по пословичнымъ понятіямъ, идетъ какъ бы борьба между божествомъ доброжелательнымъ и темною, враждебною силою—чортомъ (2).

Но понятія о праздникахъ, равно какъ и самое происхожденіе послѣднихъ,—явленія отдаленной языческой поры жизни; эта мысль находитъ полное подтвержденіе себѣ въ народныхъ воззрѣніяхъ на праздники въ частности, когда извѣстному періоду времени, дню, недѣли и проч., приписывается такое или иное вліяніе на природу и бытъ людей. Приведеніе въ извѣстность этого-то вліянія и значенія извѣстнаго промежутка времени и

---

[2]) 1, 8—1, 12—Бог з празником, а чорт з роботою

[3]) Не тоді мені неділя, як сорочка біла; а тоді, (11025) коли маю час узяти (7242)—Хто празника питає, той паністару латає (108471)—Хто святові рад, то досвіта напьється (192).

[4]) Знаємъ і без попа, що в неділю свято (6532).

представляется народному сознанію, сказавшемуся въ пословицахъ, способомъ чествованія свѣтлой силы. Самыя пословицы, сюда относящіяся, въ формальномъ отношеніи разнятся отъ прочихъ; это — *примѣты, повѣрья.* Здѣсь умѣстно припомнить заключенія почтеннаго ученаго Аѳанасьева о примѣтахъ; онъ говоритъ (П. В. Сл. I, 27—28): «примѣта всегда указываетъ на какое нибудь соотношеніе, большею частію уже непонятное для народа, между двумя явленіями міра физическаго и нравственнаго, изъ которыхъ одно служитъ предвѣстіемъ другаго, непосредственно за нимъ слѣдующаго, долженствующаго сбыться въ скоромъ времени». Примѣты эти выводятся изъ наблюденій дѣйствительной, реальной жизни, и являются основанными на миѳическихъ представленіяхъ и составляютъ старинныя метафорическія краткія выраженія, т. е. сокращенныя формулы, какъ остатки цѣлыхъ нѣкогда эпопей, воспѣвавшихъ подвиги миѳическихъ божествъ. Однакожъ, примѣты, основанныя на различныхъ источникахъ, бытовомъ или миѳическомъ, не остались безъ вліянія однихъ на другія. «Древнѣйшее язычество, какъ извѣстно, состояло въ обожаніи природы, и первыя познанія объ ней человѣка были вмѣстѣ съ тѣмъ и его религіей; поэтому, говоритъ Аѳанасьевъ, дѣйствительныя наблюденія часто до того сливаются въ народныхъ примѣтахъ съ миѳическими воззрѣніями, что довольно трудно опредѣлить, что именно слѣдуетъ признать здѣсь за первоначальный источникъ» (ib, I, 29). Языческая древность примѣтъ неоспорима; она подтверждается, по словамъ Аѳанасьева, «ихъ несомнѣнныхъ сродствомъ съ языческими вѣрованіями и свидѣтельствомъ старинныхъ памятниковъ, которые причисляютъ ихъ къ ученію *«богоотметному»*, еретическому» (ib. I, 30—31). Указанныя соображенія и заключенія устанавливаютъ надлежащую точку зрѣнія на происхожденіе и значеніе примѣтъ, какъ несомнѣнныхъ остатковъ глубокой языческой древности. Въ настоящее же время онѣ пріурочены въ пословицахъ къ лицамъ и событіямъ христіанской жизни. Разсматривая эти примѣты, пословицы — повѣрья, нельзя не замѣтить, что то или другое праздничное время, тотъ или другой святой, занимаютъ

народное воображеніе чисто внѣшнимъ образомъ, служа извѣстными показателями такихъ или иныхъ явленій въ области природы и народной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что такое служеніе влечетъ за собою непремѣнно и чествованіе; но пословицы — примѣты ограничиваются, можно сказать, только общими указаніями на значеніе событій, времени и лицъ, и изложеніе самыхъ способовъ чествованія уступаютъ другимъ родамъ словесныхъ народныхъ произведеній. На основаніи сказаннаго о частномъ пониманіи праздниковъ, пословичныя о нихъ понятія группируются въ три категоріи; первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ понятія, относящіяся къ атмосферическимъ, климатическимъ и почвеннымъ явленіямъ; вторая—къ явленіямъ въ мірѣ животныхъ, въ обширномъ смыслѣ послѣдняго слова; третяя—къ явленіямъ, бытовымъ собственно,—въ жизни людей.

Время, когда въ природѣ совершается переходъ отъ зимы къ лѣту, почиталось предками нашими, славянами язычниками, за начало года; такое время настаетъ уже съ первыхъ числъ декабря (по старому стилю). Принимая праздничные дни первыхъ числъ декабря за начало праздничнаго года, я буду останавливаться на пословичныхъ понятіяхъ о болѣе извѣстныхъ въ народѣ праздникахъ, указывая на значеніе ихъ въ области природы, жизни животныхъ и людей.

1) Въ самомъ началѣ декабря, 4, 5 и 6 число его посвящаются свв. Варварѣ, Савѣ и Николаю. Народъ считаетъ ихъ установителями зимняго пути, но вмѣстѣ съ тѣмъ Варвара коротитъ ночь и увеличиваетъ день [5]). Увеличеніе дня служитъ предвѣстіемъ наступленія теплаго времени, которое, впрочемъ, представляется еще только въ далекомъ будущемъ: нужно, чтобы прошло цѣлыхъ пятнадцать недѣль по Рождествѣ, т. е. оно относится къ половинѣ апрѣля [6]). А между тѣмъ, дальнѣйшія явленія послѣдовательно знаменуютъ наступленіе желаннаго теплаго лѣта. Съ 1-го января день увеличивается уже на заячій

[5]) Варвара постеле, Сава погладить, а Микола стукане (506) --Варвара ночі ввірвала, а дня приточила (504).

[6]) Поки три-пьять неділь по Рожестві не минє, поти тепла не буде (5202).

скачекъ; въ этотъ же день вспоминается уже житяная пуга (хлыстъ), которою управляетъ Илья (громовникъ) и куда ни махнетъ ею, тамъ рожь ростетъ [7]). Послѣ 6-го января, *Водокрестя,* уже и морозъ не въ морозъ; на *Петра Вериги,* 9 января, подается ледъ [8]). Далѣе, на *Срѣтеніе,* 2 февраля, происходитъ встрѣча лѣта съ зимою; послѣдняя должна уступить мѣсто лѣту [9]). Но тепло еще такъ малосильно, что не всегда ему удается одолѣть холодъ въ это время; такъ напримѣръ: на *Сорокъ святыхъ,* 9 марта, возможно появленіе сорока морозовъ. Наблюдая всѣ тѣ перемѣны, народъ утѣшаетъ себя тою мыслью, что время близится не къ Рождеству, а къ *Великодню* (Пасхѣ); что хотя по ночамъ и морозъ трескучій, за то днемъ полная оттепель. Затѣмъ, выжидательное состояніе: что-то скажетъ *Благовѣщеніе?* Состояніямъ погоды въ этотъ праздничный день опредѣляются качества ея о Пасхѣ [10]). Потомъ опять находятъ пословицы задержку лѣту: *Вербная* недѣля возвращаетъ зиму и холодъ, требующій теплой одежды. Далѣе, народъ выжидаетъ дождя и заранѣе рѣшаетъ: если онъ пойдетъ до *Юрья,* 23 апрѣля, то будетъ довольно хлѣба у всякаго, даже у глупаго [11]).

Опредѣляя, по состоянію погоды на *Мартина,* 14 марта, какой будетъ урожай на хлѣбъ и растительность вообще, народъ рядомъ съ тѣмъ замѣчаетъ, зная свои климатическія и почвенныя условія, что 23 апрѣля у всякаго долженъ быть запасъ корму для скота, а хлѣба для людей, что только со дня Юрья можно перестать давать скоту запасной кормъ, потому что въ этотъ день уже ворона можетъ спрятаться во ржи, а волъ найти себѣ въ

[7]) На новий рік прибавилось дня на заячий скік (563).—Ходить Илья на Василля, носить пугу житяную, куди махне, жито росте (347).

[8]) Тріщи, не тріщи—вже минули Водохрещі (516).—На Петра Вериги разбиваються криги (520).—Коли на Громницю півень не напьеться водиці, то на Юрью він не наїсться травиці (443).

[9]) На Стрітення зіма з літом пострічаються (521).

[10]) На 40 святихъ сорок морозів буде (315).—(Дни не дни) не к Різдву йде, къ Великодню: у ночі тріщить, а в день плющить (518).—Який день на Благовіщення, такий і на Великдень (422).

[11]) Прийде Вербниця, назад зима вернеться (425).—Прийде Вербич, три кожухи тябрич (425).—Як піде дощ до Юрья, то буде хліб і в дурня (427).

полѣ кормъ, если, *впрочемъ, на Громницю* *) *півень напьеться водиці* [12]). На *св. Марка*, 25 апрѣля, сѣютъ ранній овесъ и позднюю пшеницу [13]). Но все-таки настоящее тепло еще далеко: до *Николая* или *Димитрія,* 9 или 15 мая, пословицы не совѣтуютъ сѣять гречихи и стричь овецъ; до *Тройцы св. Духа,* не лишаться теплой одежды [14]). Наконецъ, только день *Ивана Купала,* 24 іюня, приноситъ съ собою настоящее лѣтнее тепло; если къ этому дню просо будетъ величиною въ ложку, то ужъ будетъ что взять и въ ложку, говоритъ пословица; послѣ купала нѣтъ нужды и въ легкой верхней одеждѣ; со дня Ивана Купала настаетъ время жаркое, бабье лѣто, но длится всего лишь нѣсколько дней, именно до *Петра* и Павла, т. е. до 29 іюня [15]). Петръ является предвѣстникомъ осени, предверія зимы; онъ вырываетъ первый листокъ. Далѣе, *Илья,* 20 іюля, вырываетъ уже два листка съ деревьевъ, затѣмъ влечетъ за собою ненастье [16]). Дождь въ день *св. Мокрины,* 19 іюля, предвѣщаетъ дождливую осень; съ слѣдующаго, Ильина дня тучи принимаютъ другое направленіе въ своемъ движеніи: то они шли за вѣтромъ, а теперь станутъ ходить противъ вѣтра [17]). Около этого времени начинается уборка огородныхъ овощей; въ день братьевъ *Маккавеевъ,* 1 августа, вымолачиваютъ макъ, почему и самый праздникъ слыветъ въ пословицахъ подъ именемъ *Макотруса* [18]). На *Спаса*

---

*) «Громниці или Стрічань, 2 февраля». Труды Э.-Ст. Экспед. въ З.-Рус. край, т. III, 6.

[12]) Коли на Мартина буде хороша година, то буде хороше на людей і на урожай (431).—До Юрья повинна бути пана і в дурня (440).—На Юрья сіна кинь, тай вила знать (440).—На Юрья ворона у житі сховаеться (435).

[13]) На св. Марка—ранній овесь, а пізня татарка (444).

[14]) До Миколи (до Дмитра) ніколи не сій гречки, не стрижи овечки (452). До св. Духа не кидайся кожуха (458).

[15]) Коли до Йвана просо буде з ложку, то буде і в ложку (466).—Після Йвана не треба жупана (467).—Бабське літо до Петра тілько (470).

[16]) Прийшов Петро, вырвав листок.... Прийшов Илля вирвав і два (468).—Як прийде Илля, так наробить в полі гниля (476).

[17]) Як на Мокрини буде дощ, то осінь буде мокра (473).—До Иллі хмари ходять за витром, а з Иллі проти вітру (475).

[18]) Макотрусъ—Маковій (481).

(Преображеніе), 6 августа, напоминается о рукавицахъ, что ихъ нужно уже имѣть про запасъ [19]). День *Симеона-Іуды*, 1 сентября, приноситъ колоть, приводящую въ боязнь лошадей [20]). *Покровъ,* 1 октября, покрываетъ землю не только листомъ, но и снѣгомъ; поэтому неблагоразумно, по смыслу пословицъ, поступаетъ тотъ, кто относитъ посѣвъ злаковъ на послѣпокровное время [21]). Наконецъ, *Юрій,* 25 ноября, готовитъ и настоящую зиму, а помогаетъ ему *Николай,* 6 декабря [22]).

Таковъ кругъ атмосферическихъ, климатическихъ и почвенныхъ явленій въ продолженіе цѣлаго года, явленій, находящихся въ указанной связи и зависимости отъ праздничнаго времени. Предполагаемое участіе святыхъ въ томъ или другомъ явленіи, или правильнѣе—участіе тѣхъ миѳическихъ божествъ, которыхъ на долю святыхъ только пришлось возмѣстить собою и принять изъ рукъ народнаго воображенія ихъ атрибуты, — естественно вызывало народъ, въ языческомъ его періодѣ развитія, на должное чествованіе; но способовъ такого чествованія, какъ уже замѣчено было, въ пословицахъ не сохранилось, если не считать такими способами самаго приписыванія праздничнымъ днямъ и святымъ приведеннаго выше вліянія на природу; а не считать нельзя, на основаніи хотя бы слѣдующаго логическаго соображенія: признаніе за извѣстнымъ предметомъ силы и вліянія на явленія природы необходимо влечетъ за собою со стороны человѣка, живущаго традиціями, а не наукою, особое уваженіе этой силы, поклоненіе ей, то какъ стихіи, то какъ явленію и предмету, то какъ извѣстному миѳу и, наконецъ, святому, съ христіанскимъ, напримѣръ, именемъ.

2) Разнообразныя явленія въ жизни животныхъ также ставятся пословицами—повѣрьями, или примѣтами, въ зависимость

---

19) Од Спаса та й руковички до паса (185).—Прийшов Спас, бери рукавички про запас (468).

20) На Семена-Юди боїться кінь груди (485).

21) Покрова всю землю покрива (10859).—Прийшла покрова—покрив не листом, та снігом (468).—Хто сіє по покрові, то не має що дати корові (491).—Прийшла Пречиста, на дереві чисто (468).

22) Юрій мости мостить, Микола гвоздем побиває (502).

отъ праздниковъ и святыхъ. *При общемъ поворотѣ къ новой* жизни, замѣченномъ въ области атмосферическихъ, климатическихъ и почвенныхъ явленій, замѣченъ народомъ и выраженъ въ пословичныхъ понятіяхъ такой же поворотъ въ царствѣ животныхъ. Со дня *Зачатія св. Анны,* 9 декабря, пробуждаются половыя страсти у животныхъ, начинаютъ *тічки бігать* [23]). Появленіе во множествѣ рыбъ, наблюдаемое *на Водохрище,* 6 января, предвѣщаетъ плодовитость пчелъ, удачу на рои [24]). День *Обрътенія,* 24 февраля, заставляетъ птицъ думать о гнѣздахъ, а на *40 святыхъ,* 9 марта, сорока кладетъ уже сорокъ палочекъ на гнѣздо [25]). Далѣе, на *Теплого Олексія,* 17 марта, щука-рыба стремится уничтожить ледъ, разбивая его хвостомъ своимъ [26]). *На Благовъщеніе,* 25 марта даже птицы не осмѣливаются продолжать своей работы по устройству гнѣздъ, такъ какъ это большой праздникъ; но за то на *Похвалу* (5-я недѣля поста), она уже яйцомъ хвалится [27]). Тутъ ужъ появляется и кукушка со своимъ кукованьемъ, и горе—если она закуетъ *до Юрія,* 23 апрѣля, на безлистномъ деревѣ: будетъ не урожайное лѣто; но если почки успѣли уже къ этому времени распуститься въ листья, то кукованье ея предвѣщаетъ обильну жатву. [28]). Затѣмъ, появляется и *Юрій,* 23 апрѣля, въ качествѣ пастуха *звіра* (волковъ) [29]). Давно ужъ ожили пчелы, и предстоитъ забота прокормить ихъ только *до Йвана,* 19 апрѣля, чтобъ получить отъ нихъ потомъ богатый прибытокъ [30]). Но для плодотворной дѣятельности этихъ насѣкомыхъ, природа удѣляетъ, по народнымъ заключеніямъ, немного времени: только два мѣсяца; послѣ *Ильи,*

---

[23]) На Ганни-Зачатія начинають тічки бігать (509).

[24]) Коли на Водохрище риба табунами ходить-на рої, добре буде (13117).

[25]) На Обрітення обрітаються птиці до гнізда... (523).—На 40 святихъ сорока 40 палочокъ на гніздо положить (414).

[26]) На Теплого Олексія щука-риба лід хвостом розбиває (416).

[27]) На Благовіщення й птиця гнізда невъе (418).—На Похвалу сорока-птиця яйцемъ похвалиться (425).

[28]) Коли закує зозуля на голе дерево, то буде голодне літо; а як на лист, то буде похіття (459).

[29]) Св. Юр звіри пасе (434).

[30]) Догодуй Бжолу до Йвана, то наряде тебе, як пана (432).

20 Іюля, рои безполезны [31]). Наступленіе *Другоі пречистоі*, 5 августа, знаменуетъ прекращеніе жизни и дѣятельности комарей [32]). Наконецъ наступаетъ и для лошадей день желанный—это празднованіе памяти *Флора* и *Лавра*, 18 августа, когда лошадямъ даютъ отдыхъ отъ работъ, потому что это лошадиный праздникъ [33]). Такимъ образомъ народное сознаніе, ставя въ тѣсную зависимость явленія въ мірѣ животныхъ отъ праздниковъ и воспоминаемыхъ въ это время святыхъ, тѣмъ самымъ заставляетъ и этотъ міръ, надѣляя его своимъ младенческимъ міровоззрѣніемъ, принимать участіе въ своемъ религіозномъ языческомъ культѣ.

3) При разсмотрѣніи народныхъ воззрѣній на праздники въ ихъ связи съ явленіями въ народномъ бытѣ, я намѣренъ держаться того же порядка ихъ, которому слѣдовалъ при обозрѣніи первыхъ двухъ категорій, т. е. принимая за начало праздниковъ—праздники декабрьскіе. Изъ послѣднихъ только *Рождество*, 25 декабря, возымѣло непосредственное вліяніе на бытъ народный; къ этому празднику имѣть *новое* бѣлье считается необходимымъ [34]); въ такомъ понятіи скрывается, вѣроятно, мысль о наступленіи съ декабрьскимъ временемъ *новой* поры въ жизни всей природы, т. е. той самой мысли, которая яснѣе выражена въ воззрѣніяхъ на праздники, имѣющія отношенія къ атмосферическимъ, климатическимъ, почвеннымъ явленіямъ и къ міру животныхъ. Въ день Рождества принято поздравлять другихъ съ *Колядою;* но первоначальный, миѳическій смыслъ этого слова не ясенъ въ пословицахъ; этимъ именемъ называютъ теперь выколядованное и хранимое добро въ мѣшкахъ колядниковъ; а иногда подъ именемъ коляды разумѣется даже неправда, ложь [35]). *Богоявленіе* (Водохрестя), 6 января почитается праздникомъ, имѣ-

---

31) Після Иллі нехай рій сидить на гіллі (477).

32) Прийшла Пречиста (друга), взяла комаря нечиста (488).

33) На Хлора і Лавра кіньське свято: кіньми не роблять (13422).

34) К Різдву сорочка хоть сирова, аби нова (428).

35) Будте здорови з колядою (342).—Гоп коляда! (кажуть діти, кидаючи въ мішок, що виколядували (344).—Я тобі кажу, а ти таки колядуеш бісову коляду (12819).

ющимъ цѣлебно-очистительное значеніе; вотъ почему въ іорданской водѣ купаются, чтобъ избавиться отъ чесотки, напримѣръ, и умываются ею, чтобъ сдѣлаться красивѣе. Разумѣется, что такой взглядъ народа на дѣйствіе воды, хотя бы то и богоявленской, зиждется на языческомъ представленіи себѣ воды, какъ символа здоровья. Въ этотъ же праздникъ вспоминается очищеніе міра отъ грѣховъ, въ чемъ, конечно, сказывается христіанское вліяніе; но способъ, которымъ производится обычное напоминаніе объ этомъ очищеніи, дышетъ вполнѣ языческими вѣрованіями; способъ этотъ—стрѣлянье, напоминающее нѣкогдашній символъ грома, освободителя земли отъ зимнихъ оковъ холода [36]). Праздникъ *Обрѣтенія,* 24 февраля, заставляетъ земледѣльцевъ вспомнить о своихъ плугахъ, а мужей быть ласковѣе съ своими женами [37]). Съ наступленіемъ *Масляницы,* въ первый ея день—понедѣльникъ чествуется подъ именемъ *Колодій* (отъ колодки, бревно) [38]). Обрядъ чествованія состоитъ въ томъ, какъ извѣстно, что холостымъ мужчинамъ, *парубкам,* а иногда и *дівкам,* привязываютъ замужнія женщины такъ называемую колодку (бревенце, перевитое шнуркомъ, лентою, иногда и цвѣтами), при чемъ ставится на видъ неженатое положеніе. (Труды, т. III, 7). Трудно рѣшить, особенно опираясь на пословицы только, какое именно происхожденіе такого обычая и какая идея лежитъ въ основѣ его; но принимая во вниманіе, съ одной стороны, то, что народъ пользуется привязываньемъ *колодок* животнымъ, именно—свиньямъ, какъ средствомъ не дать имъ возможности пробираться въ огороды посредствомъ *скаканья* черезъ низкіе плетни и перелазы, и что *колодкою* называется замокъ по южно-русски; имѣя въ виду переносное значеніе слова *скакать* (въ выраженіи *скакать въ гречку,* т. е. *блудить*); а съ другой стороны—то, что колодки привязываютъ только *холостымъ муж-*

36) На Водохрище купаються від корости, а вмиваються, щоб румяним бути (8401).—На Богоявленскій празник стріляють—очищеніе гріх миру возвіщають (544).

37) (25) Мужъ «до жінки обертаеться» (Труды Э.-С. Экп. въ З.-Р. край, т. III, стр. 7).

38) Колодій—понеділок на масниці (528).

чинамъ и незамужнимъ женщинамъ и при томъ въ началѣ весны, когда половыя страсти особенно сильны,—есть основаніе думать, что въ обычаѣ привязыванія колодокъ и въ самомъ чествованіи Колодія скрывается чисто бытовая мысль объ обузданіи половыхъ страстей, объ ограниченіи проявленія ихъ отъ общепризнанныхъ условій удовлетворенія; слѣдовательно съ чествованіемъ Колодія соединяется, или по крайней мѣрѣ соединялось когда-нибудь, высоконравственное служеніе семейной и гражданской чистотѣ нравовъ. Но такой выводъ не болѣе, какъ догадка, которая не можетъ служить желаемымъ объясненіемъ праздника *Колодія*. Далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ народное вниманіе народа останавливается на праздникѣ *Пасхи*, необходимыми атрибутами котораго служатъ: пасха, яйца и поцѣлуи. Въ бѣльѣ, предназначенномъ для этого дня, требуется непремѣнно *бѣлизна*, какъ символъ благодѣтельной поры года, благодатнаго свѣта въ физическомъ и нравственномъ его значеніи [39]). Съ праздника *Преполовенія* (Переплавна, Права середа) обыкновенно начинаютъ купаться [40]). На *Симона-Зилота*, 10 мая, собираютъ цѣлебныя травы [41]). *Успенію*, 15 августа, приписывается вліяніе на появленіи сватовъ къ невѣстамъ [42]); а *Покрова* и другіе октябрьскіе праздники считаются въ пословицахъ, имѣющими особенное вліяніе на браки. Такой взглядъ народа совершенно понятенъ, если смотрѣть на него съ бытовой точки зрѣнія; октябрь—это такое время, когда полевыя работы уже окончены, и земледѣлецъ является болѣе досужнымъ; есть у него часокъ подумать и о личномъ счастіи, о супругѣ—помощницѣ, равно какъ и дѣвушкамъ на-возрастѣ поразмыслить о своихъ суженыхъ; всѣ нѣсколько пріободряются; теперь уже и лѣниво-больная жена станетъ здоровою [43]). Дѣвушки и парни сходятся на

---

[39]) К Великодню сорочка хоть лихенька, аби біленька (430).—На паски, щоб і ти знав, що сёгодня Великдень (4530).—Діждалися Великодня, та не їсти яець (5629).—Христос воскрес, кумо, цілуватьсея нумо (8803).

[40]) Въ Переплавну Середу начинають купатьсея (457).

[41]) На Симона-Зилота зілля збірають (455).

[42]) Прийшла Пречиста-розносе старостів (499).

[43]) А як прийшла Покрова, тоді жінка здорова (10859).

вулицяхъ въ праздничные *дни и по вечерамъ*, узнаютъ ближе другъ друга, слюбляются; экономическихъ затрудненій къ заключенію браковъ меньше; бываетъ что продать и на что купить. Понятна поэтому просьба дѣвушекъ къ *Покровѣ* поблагопріятствовать выходу ихъ замужъ и горе, если желанія и просьбы ихъ не сбываются [44]). Съ такими же просьбами заставляетъ ихъ народъ обращаться и въ св. *Прасковьѣ*, 14 октября, [45]), и поддерживаетъ въ нихъ напряженное желаніе выхода замужъ до конца названнаго мѣсяца, *до Дмитра*, 25 октября. Во все это время дѣвушка является живою, полною надеждъ на перемѣну въ своей жизни къ желанному лучшему; но послѣ того дѣлается вялою, превращается чуть не въ тряпку, которою хотя *комін* (стѣнки печки) вытирай [46]). Тотъ же праздникъ Димитрія, какъ день поминовеній, представляется въ пословицахъ особенно желаннымъ для поповскихъ дѣтей, вслѣдствіе своей изобильности яствами [47]). Изъ послѣдующихъ праздниковъ народнымъ вниманіемъ пользуется день *свв. Козьмы и Демьяна*, понимаемыхъ, какъ одно лице,—*Кузьма-Демьянъ—Божий кузнецъ;* онъ выковываетъ память людямъ [48]). Наконецъ, ко дню *Андрея*, 20 ноября, пріурочивается гаданье о суженомъ [49]). Этимъ послѣднимъ днемъ и оканчивается кругъ годичныхъ праздниковъ, имѣющихъ вліяніе на жизнь людей и чествуемыхъ, такъ или иначе, въ бытовомъ отношеніи.

---

[44]) Св. Покрівонько, покрий мені голівоньку (493).—Пройшла уже й Покрова, заревла дівка, як корова (492).

[45]) Ох, св. Прасковія, дай жениха поскорія (476).

[46]) До Дмитра дівка хитра, а по Дмитрі, хоч комін витри (так захляне і завъяне) (497).

[47]) Не що дня поппнятам (або поповим дітям) Дмитрова субота (5333)

[48]) Кузьма-Демьян (1-го Листопаду) — Божий коваль (499).—Кузьма й Демьян, пошли памъять! (500).

[49]) Святий Андрію, на тобі конопельки сію; дай, Боже, знати, з ким буду весілля грати (262).

IV.

Церковь, какъ спеціальное мѣсто чествованія свѣтлой силы, и піп (священникъ), какъ посредникъ между чествуемыми предметами и людьми.

По пословичнымъ понятіямъ, церковь—это зданіе, предназначенное для молитвы; опредѣленія же ея, какъ общества вѣрующихъ, въ нихъ не встрѣчается. Церковь, какъ зданіе, почитается священною, на что указываетъ народная оговора при произнесеніи проклятій, именно: на церковь призываемая бѣда не должна падать; а также — и то, что построеніе церкви является дѣломъ Бога [1]). Необходимая пристройка къ церкви—это колокольня; на счетъ ея народъ замѣчаетъ, что ее слѣдовало бы ставить посреди села, вѣроятно, для того, чтобы каждому селянину былъ слышенъ одинаково церковный благовѣстъ; въ этомъ замѣчаніи нельзя не видѣть ироніи на неохотное посѣщеніе церкви. Колоколамъ приписывается вѣщее значеніе; напримѣръ: если они издаютъ унылый гулъ, то скоро долженъ кто-либо умереть [2]). Въ тѣсную связь съ церковью ставитъ народъ школу, считая послѣднюю угломъ первой [3]), и такимъ образомъ въ трехъ словахъ высказываетъ свой глубокій взглядъ на школу, мѣсто пріобрѣтенія знанія, какъ бы считая такое пріобрѣтеніе дѣломъ священнымъ.

Этими не многими пословицами и ограничивается кругъ посл. народныхъ воззрѣній на церковь.

Первенствующимъ лицомъ въ церкви является *піп;* онъ служитъ алтарю и съ него долженъ жить — кормиться, и санъ-то свой онъ принялъ затѣмъ, чтобъ находиться въ церкви [4]). Но

[1]) Опріч св. церкви! (Щоб город, село... запало, згоріло и т. п. (8373). —Де Біг церкву ставить, там... (11785).

[2]) Треба ставить дзвіницю посеред села (13751). — Куди ходимо, то ходімо—аби не до церкви (167). — Як дзвони гудуть сумно, скоро хтось умре (13404).

[3]) Школа—церковный угол (6090).

[4]) Коли вівтару служиш, з вівтаря й живися (10422).—На те піп посвятився, щоб по церкві крутився (210).—Велике диво, що в церкві піп (5535).

на самомъ дѣлѣ выходитъ иначе. Пословичный *піп* — это *типъ* бытовой и историческій; въ немъ встрѣчаются такія черты, которыя несомнѣнно приписаны ему подъ вліяніемъ условій народной жизни за весьма продолжительное время и которыя бытуютъ и теперь въ пословичномъ образѣ попа, какъ историческая словесная окаменѣлость, служа не столько показателемъ настоящаго, сколько—реальнаго или зло-фиктивнаго прошлаго. Историческую оцѣнку этого типа я предоставляю другимъ; самъ же ограничусь только приведеніемъ въ извѣстность чертъ поповскаго типа, какія разсѣяны въ пословицахъ. Этотъ типъ надѣленъ необыкновенною жадностію и стремленіями къ поборамъ, за что народъ относится къ нему съ крайнимъ пренебреженіемъ. Пословицы совѣтуютъ бояться его, какъ *той* боиться ладану; выражаютъ пожеланіе, чтобъ онъ въ наказаніе кому-нибудь приснился; переходъ дороги попомъ влечетъ за собою несчастіе тому міранину, кто первый перейдетъ слѣдъ попа [5]). Глаза его завистливые; ихъ сравниваютъ съ волчьимъ горломъ и барскимъ карманомъ, одинаково ненасытными, по понятіямъ народа [6]). Качества попа таковы, что не могутъ быть нигдѣ скрыты: онъ замѣтенъ съ ними и подъ *ціновкою;* а между тѣмъ обойтись безъ попа нельзя [7]). Попъ иногда бываетъ страшенъ чорту, а иногда второй слѣдуетъ по стопамъ перваго [8]). Съ попомъ страшно имѣть дѣла; напримѣръ: женитьба не страшна, да страшно съ попомъ уговоръ имѣть на счетъ платы за вѣнчанье. Неудивительно, что народъ боится попа: онъ жаденъ неимовѣрно и потому бѣгутъ отъ него изъ церкви, а отъ жены его (попадьи)— изъ дому; страшенъ попъ тѣмъ болѣе, что отъ него нельзя из-

---

[5]) Бійся попа, як *той* ладану (13382). — А щоб тобі піп приснився! (13622).—(Піп) як перейде дорогу—щастя не буде, хіба одплюеся (13383).

[6]) Завистливі очи, як у попа (4817).—Вовче горло, як попівське око (8064). —Попівські очі, а паньська кешеня (8065).

[7]) Попа видно і під циновкою (7342).—Чиї ворота минеш, а попових не минеш (216).

[8]) Сніп од снопа, як чорт од попа (10168).—Тягни чорте за попом (6421). —Піп у хвіртку, а чорт у дірку.

бавиться крестнымъ знаменіемъ, подобно какъ спасаются отъ нечистой силы [9]).

Итакъ, попъ страшенъ; но «бояться его, такъ и въ алтарь не ходить»; этою мыслію и другою слѣдующею—«лишь бы люди, а попъ будетъ»—народъ устраняетъ какъ бы поповскую грозу [10]). Неудовольствіе противъ него такъ велико, что его переносятъ даже на животныхъ, принадлежащихъ попу, приписывая имъ разные недостатки; напримѣръ: лошадь попова постоянно держитъ вверхъ голову, что сочтено за признакъ чванства, спеси; собака его подымаетъ несправедливый лай; волкъ не рѣшится бросится на корову или вола поповыхъ; издохшая у попа кошка не вызываетъ сожалѣнія, а смѣхъ [11]).

Умственныя качества попа народъ представляетъ себѣ въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ; его считаютъ пословицы дуракомъ изъ дураковъ, пользуясь для такихъ заключеній даже исполненіемъ имъ обязанностей своихъ въ ночное время, видя глупость его въ томъ, что онъ до зари поетъ [12]).

При такомъ взглядѣ на нравственныя и умственныя достоинства попа, совершенно естественнымъ является тотъ народный совѣтъ, по которому слѣдуетъ дѣлать то, что онъ, какъ священникъ, говоритъ, но не дѣлать того, что онъ самъ дѣлаетъ, потому что хотя попъ и наказываетъ людей за грѣховныя дѣла, но самъ больше злаго дѣлаетъ. Мысль замѣчательная: народное

---

[9]) Не страшно жениться, а страшно попа єднать (7260). — Попа одним обідом не нагодуєш (218).—Шерть-верть, бери четверть—буде рокове (217). —Од попа з церкви, а од попаді з хати. (324). — Од попа, як од чорта не одхристисся.

[10]) Боятьса попа, то в вівтарь не йти (4232). — Аби люде, а піп буде (5425).—Копа (судна громада) переможе й попа (10742).

[11]) Дере голову, як попова кобила (2476).—Не будь так, як попова свиня (2825).—Бреше, як попова собака (6958).—Попову корову й вовк пізна, та не візьме (13379).—Смішки з поповоі кішки, а як своя здохне, то й плакатимеш (12689).

[12]) Хіба ж таки він дурніший од попа! (6264).—Нема дурнишого од попа: люде плачуть, а він співає (125).—Се ж тілько піп та півень такі дурні, що до світа співають (12464).

сознаніе съумѣло отдѣлить идею священническаго сана отъ лица, взявшагося быть исполнителемъ ея [13]).

Жизнь попа считается самою привольною; она сравнена съ жизнью кота; тому и другому, по пословичнымъ понятіямъ, найлучше живется [14]).

Устраняя себя отъ произнесенія суда надъ попомъ, предоставляя это сдѣлать Богу, народъ тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что хвалить попа можно, только похоронивши, если онъ заслуживаетъ похвалы [15]).

Изъ указанныхъ пословичныхъ понятій о церкви и попѣ слѣдуетъ, что христіанская идея того и другаго фактора религіозной жизни, еще чужда народному сознанію; только незначительные проблески такого сознанія замѣтны, напримѣръ, въ понятіяхъ о церкви, какъ мѣстѣ священномъ, о священническомъ санѣ; всѣ же другія понятія суть продуктъ непосредственной народной жизни, на которомъ отразилась неутѣшительная печать борьбы за существованіе.

Въ заключеніе предложеннаго обозрѣнія религіознаго культа южно-русскаго народа въ его пословицахъ приходится сказать, во 1-хъ, что пословицы дѣйствительно заключаютъ въ себѣ богатый и главнымъ образомъ всесторонній матеріалъ для изученія народнаго міросозерцанія, имѣющій въ своемъ составѣ даже указанія на послѣдовательное его развитіе; во 2-хъ, что возникновеніе, развитіе и организація религіозныхъ вѣрованій народа находится въ самой тѣсной связи съ явленіями въ жизни природы и людей, т. е. пословицами достаточно оправдывается за-

---

[13]) Піп людей кара, а сам лихо робить (7031). - Роби те, що піп каже, а не роби того, що він робить (5157).

[14]) Попові та котові—нема найлучче (8071).—Піп—золотий сніп.

[15]) Не нам попа судить, нехай его Бог судить (9597).—Хвали попа при копавши (5188).

ключеніе, приведенное выше, въ общей части реферата: *Nihil est in religione, quod non fuerit in naturae et hominum vita.*

П. Иващенко.

1874 г. Май.

Павлô Братыця и Прокипъ Дубъ,

кобзари Нѣжинск. у., Чернигов. губ.

Сообщеніе д. чл. П. С. Иващенко, въ собраніи Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества, 7 января, 1875 года.

Д. чл. Юго-Западнаго Отдѣла Географич. Общества, А. А. Руссовъ, въ докладѣ своемъ о бандуристѣ Вересаѣ, читанномъ въ засѣданіи Отдѣла 28 сентября 1873 г., высказалъ предположеніе, что «Остапъ Вересай, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть послѣдній представитель кобзарей или бандуристовъ, умѣющихъ играть на кобзѣ и знающихъ старыя пѣсни и думы». Предположеніе свое референтъ основывалъ, во 1-хъ, на томъ что г. Кулішъ, во время своихъ этнографическихъ экскурсій въ Украйну и Малороссію, въ прошломъ и позапрошломъ десятилѣтіи, нашелъ только двухъ бандуристовъ—*Андрія Шута* и *Остапа Вересая;* во 2-хъ, на томъ, что другой этнографъ, П. П. Чубинскій, столько потрудившійся въ изученіи нашихъ мѣстъ, проѣздивъ по порученію Императ. Географич. Общ. всѣ малорусскія земли по правой сторонѣ Днѣпра и всѣ мѣстности Черниговъ. губ. по сю сторону Десны, нашелъ только Остапа Вересая, такъ какъ и Андрій Шутъ умеръ. Г. Руссовъ имѣлъ такимъ образомъ весьма основательныя данныя для своего предположенія, которое достаточно подкрѣпляется еще и рѣдкостью случаевъ встрѣчи этнографами кобзарей въ наше время. Одинъ изъ такихъ случаевъ выпалъ на мою долю въ іюнѣ прошлаго года въ Нѣжинѣ; тутъ мнѣ привелось встрѣтить двухъ бандуристовъ и провести съ ними болѣе 4-хъ часовъ; нѣсколько словъ объ этихъ-то пѣвцахъ

про старовину и проч. я и намѣренъ предложить вниманію членовъ настоящаго засѣданія.

Пользуясь случаемъ встрѣчи съ пѣвцами, я заботился преимущественно о томъ, чтобъ въ очень короткое время записать отъ нихъ возможно большее число исполняемыхъ ими пѣсенъ [1]). Поэтому біографическія мои свѣдѣнія о нихъ весьма и весьма кратки. Вотъ онѣ:

Старшій изъ кобзарей, по лѣтамъ и по знаніямъ,—*Павло́ Братиця,* 50 лѣтъ, изъ деревни Тарашевки, макіевской волости, Нѣжин. у., бывшій крѣпостной помѣщика Танскаго. Ослѣпъ онъ на 3-мъ году жизни отъ оспы. Учился пѣнію и игрѣ на кобзѣ въ мѣстеч. *Мина́,* Сосниц. у., отъ тамошняго, умершаго уже, кобзаря *Бешки!*

Другой кобзарь, *Прокіп Дуб,* 28 лѣтъ, изъ с. Макіевки, Нѣжинск. же у., бывшій крѣпостной кн. Куковатаго, что въ Бигачи. Ослѣпъ на 4-мъ году также отъ оспы. Учился своему искусству у *Сліпого Овсія,* въ Шняковицѣ, Нѣж. у., а Овсій учился въ Лебединскомъ у., Харьков. губ. Ни одинъ изъ нихъ не женатъ.

На вопросъ: чѣмъ вы занимаетесь у себя дома?—оба кобзаря, указывая на свои инструменты, въ одинъ голосъ отвѣтили: „*Оце наша коса й плуг: с цёго живемо й подушне платимо*".—На вопросъ: не знаютъ ли они другихъ лицъ, живущихъ тѣмъ же, чѣмъ они?—кобзари отвѣтили, что въ сосѣднихъ имъ селеніяхъ есть такіе же *сліпці с кобзами,* какъ и они, но только по моложе и потому менѣе ихъ знающіе свое дѣло. При этомъ замѣтили, что весьма умѣлые собратья ихъ по занятію живутъ, Полтав. губ., въ Прилукскомъ и Пирятинскомъ уѣздахъ; въ этомъ нельзя не видѣть прямаго указанія на Вересая и Антона; послѣдняго называлъ и самъ Вересай, отвѣчая на разспросы г. Руссова.

Павло́ и *Прокіп* поютъ и играютъ разомъ; при чемъ младшій голосомъ и на инструментѣ вторитъ старшему. Такое исполненіе пѣсенъ кобзарями мнѣ привелось слышать въ первый

---

[1]) Записанныя пѣсни см. въ *приложеніи* къ этому сообщенію.

разъ. Отчетливая гармоничность *исполненія* показалась мнѣ заслуживающею вниманія; тутъ, мнѣ кажется, должна быть своеобразно-народная инструментовка другой кобзы—секунды.

Вокально-инструментальный репертуаръ у обоихъ одинъ и тотъ же, съ тѣмъ однако различіемъ у младшаго, которое обусловливается молодостію лѣтъ: младшій меньше знаетъ пѣсенъ.

Все записанное много *проказано Павлóм. Прокiп* слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и сосредоточенно слѣдилъ за передаваемымъ содержаніемъ; при этомъ изрѣдка, и то какъ то не смѣло, онъ дѣлалъ свои пояснительныя замѣчанія: то про себя, то въ отвѣтъ на мои вопросы, касавшіеся лицъ и предметовъ, входящихъ въ текстъ пѣсенъ. Замѣчанія эти утверждалъ Павло своимъ учительнымъ словомъ.

Въ пополненіе свѣдѣній о кобзаряхъ вообще и частію объ ихъ образѣ жизни передамъ при этомъ удобномъ случаѣ сообщенное мнѣ по сему предмету обязательнымъ свящ. с. Русановки, Гад. у., Полт. губ., о. В. Яновскимъ. Въ отвѣтъ на вопросы мои къ нему о бандуристахъ и лирникахъ въ сосѣднихъ ему мѣстахъ, онъ писалъ мнѣ, въ мартѣ 1874 года, слѣдующее *(извлеченіе изъ письма):*

Бандуристы и лирники въ нашихъ мѣстахъ (т. е. въ округѣ Русановской волости) почти перевелись. Въ Русановкѣ, напримѣръ, нѣтъ ни одного изъ нихъ. Въ смежныхъ селахъ, по р. Хорому — въ Липовой Долинѣ и Разбишевкѣ — есть, говорятъ: въ первой лирникъ, котораго я совсѣмъ не знаю, а во второй— бандуристъ, этого послѣдняго я самъ видѣлъ у себя въ домѣ. Содержанія его репертуара не знаю. Помнится, что столь извѣстную Чечотку слыхалъ я отъ него. Зовутъ и прозываютъ розбишенскаго бандуриста—*Иванъ Лыходиръ.*

Далѣе о. Василій прибавляетъ: не могу не вспомнить при этомъ своего сосѣда въ дѣтствѣ и стараго пріятеля—бандуриста, нынѣ уже умершаго, *Хведора Сиковенка* изъ Разбишевки. Что то за бандуристъ былъ!.. Что онъ пѣлъ, теперь рѣшительно не припомню; однако могу передать вамъ одинъ разсказъ Хведора, характеристично изображающій слѣпецкое житье. Вотъ онъ.

«Чув ти, спрашивалъ одинъ слѣпецъ другаго: наш отаман оддав дочку заміж»?

— Іо? говоритъ другой: оддав! А придане дав?

«І дочку, і зятя споружив»!

— Щож він дав?

«Дав! Не дав, що дав — дав, що знав: дав скриню нову-новехеньку, без віка і без дна, на чотырёх покотёлах; дав юпку нову-новехеньку, сама чиста посуконщина—пометь валом, третя нитка порту; дав тенетку зятю, нова-новехенька, з себе знявбез спинки й без пілок, самий комірець; дав шапку сиву-сивехеньку, новехеньку, з себе зняв — на обидва боки надівается». И дальше въ такомъ же родѣ всѣ вещи, а какія — теперь не припомню.

И все это разсказывалось чрезвычайно добродушно, безъ малѣйшей горечи.

А вотъ еще случай изъ жизни Саковенка, разсказанный имъ самимъ.

Если соберется *ватага сліпців* (гурьба), особенно подвыпившихъ, они часто любятъ позабавиться такимъ образомъ: становитъ каждый поочередно свой *свид* (длинная палка, съ которою они ходятъ) и съ помощію его прыгаютъ, стараясь сдѣлать скачекъ какъ можно дальше; это называется играть на *выскочки*. Пришлось поразвлечься этой игрой и Хведору. Для большей потѣхи *сліпці* выбрали неудобное мѣсто — залѣзли въ траву и страшно истолочили ее. Хозяинъ-помѣщикъ изловилъ *сліпецьку компанію* и запрегъ въ плугъ.

«С півдня до вечора, говорилъ самъ *Хведір:* цурпелили ми той плугъ».

— Неужели орали? допрашивалъ я.

«Ого-го! аж рипіло!!»

Возвращаюсь къ репертуару Нѣжинск. кобзарей; онъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ въ слѣдующемъ порядкѣ ихъ, устанавливаемомъ самими пѣвцами: 1, *псальмы*, числомъ 15, распѣваемые подъ слѣдующими названіями:

I. Про Суса любезного; 2)—Миколáя; 3)—*Онóхрія*; 4)—Олексія; 5)—Регóрія великомученика, або побідоносця; 6)—Св. Лазуря; 7)—Варвару великомученицю; 8)—12 пьятниць; 9)—Блудящаго сина; 10) Про страшний судъ, або про смерть; 11) Сонъ Богородиці; 12) Смóтрися к нам смерть; 13) Плач, душа і ридай; 14) Войшли мої літа; 15) Із пустині старець у царьский домъ приходить.

II. *Пісні про старовину*, числомъ 3, слѣдующія:

1) Про Богдана Зиновія Хмельницького й Барабаша; 2) Про трёхъ братів із Озова; 3) Про козака Голоту.

III. *Пѣсни*, неимѣющія особаго названія у кобзарей, это—*сатирическія* и *юмористическія*, числомъ 11, слѣдующія:

1) Хома та Ярёма; 2) Чечотка; 3) Міщанка; 4) Дворяньськая жона; 5) Попадя; 6) Кисіль; 7) Щиголь; 8) Теща; 9) Марина; 10) За що мене, мужу бьеш, за якії вчинки?; 11) У місяці в сентябрі.

Для ознакомленія съ эпическимъ содержаніемъ и складомъ рѣчи Павлá я намѣренъ прочесть, если собранію угодно это, думу *про Б. З. Хмельницького й Барабаша* (чтеніе думы).

Въ заключеніе сообщенія своего предлагаю на обсужденіе Гг. членовъ Отдѣла слѣдующіе два вопроса: 1-й, если репертуаръ нѣжинскихъ бандуристовъ, въ незаписанныхъ частяхъ своихъ (а это составляетъ 14 псальмъ и 10 пѣсенъ сатирич. и юмористическихъ), и исполненіе его заслуживаютъ вниманія, то не найдетъ ли Отдѣлъ нужнымъ и возможнымъ принять мѣры къ приведенію въ извѣстность незаписанной мною части репертуара, выписавъ кобзарей въ Кіевъ? При этомъ я долженъ упомянуть и о томъ, что сказалъ мнѣ Павлó Братиця: *„Я вже проказував панові Білозерьському“*; 2-й вопросъ слѣдующій: въ виду умолканія кобзы и вымиранія и послѣднихъ кобзарей съ одной стороны, и въ виду доподлинно извѣстныхъ нѣсколькихъ личностей кобзарей съ другой,—не сочтетъ ли Отдѣлъ важнымъ и необходимымъ для пользы науки принять экстраординарныя мѣры къ тому, чтобы собрать въ непродолжительномъ, по возможности, времени самыя обстоятельныя свѣдѣнія о жизни умер-

шихъ и живыхъ кобзарей, какъ то сдѣлано г. Руссовымъ. Такія свѣдѣнія послужили бы для будущихъ изслѣдователей матеріаломъ для генеалогіи южно-русской кобзы и для историческаго типа южно-русскаго бандуриста. **П. Иващенко.**

Дополненіе къ сообщенію.

По поводу чтенія и въ отвѣтъ на предложенный въ заключеніе реферата 2-й вопросъ на обсужденіе Отдѣла, нѣкоторые члены сдѣлали слѣдующія фактическія заявленія, а именно:

Г. *Чубинскій* заявилъ, что въ Почаевѣ лирники собираются и обучаются псальмамъ; это духовныя пѣсни святымъ, колядки и нравоучительныя, напечатанныя съ нотами въ Богогласникѣ, изданномъ уніатскими монахами Базиліанами.

Г. *Лоначевскій* замѣтилъ, что кобзарь не есть непремѣнно пѣвецъ историческихъ пѣсенъ; потомъ, что въ Новоградъ-Сѣверскъ (Черниг. губ.) обыкновенно весной, приходятъ кобзари, около тридцати человѣкъ въ годъ; они поютъ языкомъ мѣстнымъ, сѣверной части Черниг. губ.; слова малорусскія, а выговоръ ихъ великорусскій, безъ дзеканья.

Г. *Михальчукъ* сообщилъ, что въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губ. въ м. Бѣлазерьѣ живетъ зажиточный лирникъ, обучающій игрѣ на лирѣ слѣпцовъ, которые поступаютъ потомъ къ нему въ *челядь;* эта челядь, состоящая изъ 20—30 человѣкъ, отправляется на заработки въ разныя мѣста. Заработанное отдается ими своему учителю, который платитъ каждому челядину особое жалованье.

Г. *Волковъ* сообщилъ, что Радомысльск. уѣзда, въ Горностайполѣ есть консерваторія лирниковъ и пѣвцовъ, куда отдаютъ малыхъ дѣтей для обученія; два лирника—*Архип* въ имѣн. Синельникова Карпиловкѣ и *Капля Тиміш* — на мѣстѣ прежней *Січі* запорожцевъ (сооб. Н. И. Костомаровымъ); въ Гужнвцяхъ, Борзенск. у. Черниг. губ. лирникъ *Петро́ Кулик;* въ Бѣлоцерковкѣ Лохвиц. у.; въ Салтановкѣ Васильков. у. *Яків Крупа́* разсказываетъ про старовину; въ Митнишевкѣ Золотоношск. уѣзда

Полт. губ. есть *дід* пѣвецъ; около Канева на Днѣпрѣ, въ имѣніи Каневскихъ есть пѣвецъ.

Г. *Левченко* заявилъ, что Константиновскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ есть мастера, дѣлающіе лиры; что созвучный по названію (кобзѣ) инструментъ въ средней Азіи есть, какъ можно судить по описанію его въ соч. Вамбери, то же *кобза*.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ СООБЩЕНІЮ О КОБЗАРЯХЪ

ПАВЛѢ БРАТЫЦѢ и ПРОКОПѢ ДУБѢ,

читанн. въ Юго-Западномъ Отдѣлѣ Г. О. 7 января, 1875 г.

I. Изъ псальмъ.

ПРО ДВАНАДЦЯТЬ ПЬЯТНИЦЬ.

1. Що й устаньте, ви братія, та й послушайте,
Послушайте, ви братія, писанія Божего.
Што й у нашому граді та й прописано,
Та й прописано од папи *римського*.
А написано да 12 пьятниць
Та в году спостувати.

—

2. *Первая* великая, возбранная въ году пьятниця
Послі сирної неділі жени Хведоровой.
Хто ж тую пьятницю постувать буде
Постами з молитвами,
Той человік од скверности, од болізности сохраненъ вуон буде.
Бог его же й помилуе.

—

3. А *другая* и проч.
Проти святого Благовіщення Бога нашего.

Хто ж и проч.
Той человік од смерти од ненадежної сохранен вуон буде [1]).

—

4. А *третяя* и проч.
Проти тридневного, пресвітлого Воскресенія.
Хто ж и проч.
Той человік од осужденія, од нареченія [2]) сохранен вуон буде.

—

5. *Четвертая* и проч.
Проти святого Христового Вознесенія.
Хто ж и проч.
Той человік од сумертвенія сохранен вуон буде.

—

6 А *пьятая* и проч.
Проти св. Духа-Тройці живоначального дня.
Хто ж и проч.
Той человік од води, од потопу сохранен вуон буде.

—

7. А *шостая* и проч.
Проти св. Иллі пророка наділяющого.
Хто ж и проч.
Той человік од огню громового сохранен вуон буде.

—

8. А *Сіомая* и проч.
Проти св. Успенія Пречистої Матері Божої.
Хто ж и проч.
Той человік од лихорадки трясової сохранен вуон буде.

—

9. А *восьмая* и проч.
Проти св. Яна Предтечі честної глави Сікновенія.
Хто ж и проч.
Той человік од меча, од посіча сохранен вуон буде.

---

[1]) *Примѣч.* Въ этой (3) строфѣ и далѣе до з включительно первый стихъ разнится только количественно-порядковымъ обозначеніемъ пятницы; 3, 4 и 6 стихъ во всѣхъ тѣхъ строфахъ тождественны.

[2]) Се б то од вроків або напраского суда. *Павло́.*

10. А *Девьятая* и проч.
Проти Кузьми—Дамьяна же безсребряного.
Хто ж и проч.
Той человік при путі, при дорозі сохранен вуон буде.

—

11. А *десятая* и проч.
Проти св. Михаїла Аргангела судії праведного.
Хто ж и проч.
Той человік од звіра яденого сохранен вуон буде.

—

12. А *'денадцятая* и проч.
Проти св. Рожествія Христа нашего.
Хто ж и проч.
Той человік од напасти, од нахадности сохранен вуон буде.

—

13. А *дванадцятая* и проч.
Проти св. Хрищенія-Богоявленія.
Хто ж и проч.
Той человік од вітра, од лютих морозів сохранен вуон буде.

—

14. А завідує тії души сам Ісус Христос,
Исповідує тії души що пьятінки,
Приобщає тії души що суботоньки,
Та й подасть тії души во превосвѣтлий рай
І вминшае тим думам согрішенія.

—

15. Встаньте, ви братія, да й послушайте,
Приходіть, ви братія, ко святой церкві,
Создавайте ви милостиню неосужденну, незговоренную.
Зговорена милостиня [3]) не польза души.

—

16. Хто же сим пьятницям не поймеΤЬся,
Альбо муж із женою не в любовности, в невірности живе,

---

[3]) Инший дасть да ще й вилае. *Павло.*

Наявиться по-міждо ними чадіє же непростимое:
Альбо *толь* [4]), альбо вор, альбо розбійник буде,
Альбо по-міждо нами християнами жей начальник буде [5]).

—

17. Славен наш Бог же й прославився,
Велико именіє, святой, Господь наш,
З нами Богъ!

II. Пісні про старовину, або думи.

1. ПРО Б. З. ХМЕЛЬНИЦЬКОГО Й БАРАБАША.

(Напечатана въ 1 вып. II т. Историческихъ пѣсенъ, изд. подъ редакціей Гг. Антоновича и Драгоманова. Кіевъ, 1875 г., стр. 10—15).

2. ПРО ТРЁХ БРАТІВ З ОЗОВА.

1. Із города із Озова [1]) біг човчок невеличок—
Три брати родненькі,
Голубонькі сивенькі,
Товариші сердешні,
Шо два брати—конная-конниця,
А третjий брат—піша-пішанниця,
Да по міждо ними, як чужая чужинниця.

—

2. Тогда вуони у турецьку землю одъїзжали,
А свого меншого брата покидали;
А менший брат плаче-ридає
І стиха словами промовляє:
«Брати мої родненькі,
Голубонькі сивенькі,
Товариші сердешні!

---

[4]) Сатана, по объясненію пѣвца.
[5]) В роді ката, як колись було. *Прокін.*
[1]) Десь такий город есть. *Павло́.*

Мене з собою 'озьміте,
Хоть по пол-милі подвезіте,
Або міні с пліч голову як галку зніміте».

—

3. Тогда старший брат не хороши мислі собі мав — шаблю винімав,
А сердулший брат голою рукою за шаблю хватав:
— «Ой, брате мій, брате родненькій,
Голубоньку сивенький,
Товаришу сердешний!
Міч твій не возьмй
Й рука твоя не зведй.
Хотя ж міч твій узяв
Й рука твоя звела,
То нам гріха в вічнјий час не скупиться.
Лучче ми будемо тернами й байраками проїзжати,
Будемо тернам верхи стенати,
Свойму меншому брату на приміту спокидати».

—

4. Да вже тогда вуони виїзжали на степи Самарськії, на шляхи Муравськії [2]),
Да вже тогда не стало ні тернів, ні байраків,
Ні третјихъ—козацьких признаків.
Да вже тогда середулший брат зелену китайку обриває
Та свойму меншому брату на приміту спокидає.

—

5. Да вже тогда менший брат зелену китайку нахождає,
Да вже до серця прикладає
І стиха словами промовляє:
«Ой, брати мої родненькі,
Голубонькі сивенькі,
Товариші сердешні!

---

[2]) Десь то далеко, Бог його знає, чи по над морем, чи по-за морем... Э, ні, по сей бік моря коло есаул-могили. *Павло.*

Чи вас порубано, чи вас *живцем побрано*?
Когда б я мог ваше тіло находить,
То я хоть би по коліна в землю вкопав,
Та не подав би звіру—птици на поталу».

—

6. То-то вуон собі промовляе,
А сам об собі не відае—не знае,
Що його в степу три пригоді спіткае:
Перва пригода—безхлібье,
Друга—безвуодье,
А третяя—козацьке безголовье.

—

7. Тогда вуон до Осаул-могили прибував,
Родним отцем-матерью взивав [3]):
«Ой, Осаул-могило, будь ти мені отець і мати!
Буду я на тобі козацьку головку покладати.
Як это зговорив—баржде-добре й учинив:
Очима не гляне, й ногами не пуйде, й руками не зведе.

—

8. До тогда стали до його сизоперлиі орли налітати,
Стали на його чорні кудрі наступати,
Й стали його козацькую тварь зневажати,
Й стали його карі очі з лоба висмикати.

—

9. Да вже вуон добрі мислі собі мав—
Без міри в постолети пороху покладав
Да своїм немирним гостям одсилав:
«Ой, гості, гості ви мої немирниї!
Сождіте ви час і годину,—
Буде з низу, з Ністра тихій вітер повівати,
І чорная хмара наступати,
І дробен дощ накрапати,
То тогда буде душа з тілом вѣрное прощеніе мати.

—

[3]) Десь в Донщині. *Павло́*.

10. До тогда як став з низу, з Ністра тихій вітер повівати,
Стали чорні хмари наступати
І дробен дощик накрапати.
Да вже тогда стала душа з тілом вѣрное прощеніе мати,
Стали до його сизоперлні орли налітати,
Стали звірі набігати...
Рознесли кості по тернах та по байраках,
Та по третьихъ—козацькихъ признаках.

—

11. А тогда вже середулший брат добрі мислі собі мав
Да да свого старшого брата стиха словами промовляв:
«Ой, брате родненькій,
Голубоньку сивенький,
Товаришу сердешний!
Сождімо ми свого меншого брата».

—

12. А старший брат нехороші мислі собі мав
І стиха словами промовляв:
— «На що нам—каже,—брате,
Меншого брата ожидати?
Дасть Бог, приїдем до дому,
Будем навполи худобу поїовати,
То вже по-міждо нами не буде третїоï попереки».

—

13. А сердулший брат стиха словами промовляе:
«'Эй, брате родненькій,
Голубоньку сивенький,
Товаришу сердешний!
Шо ж ми тепер будем своїй матери казати?
— «Шо ми не в одного турчина пробували,
Не одну хліб-соль вживали».

—

14. До вже тогда вуони прибували до річки Полтавки,
До криниці Салтанки,
Да там стали свої коні попасати.

—

15. До тогда став із низу, із Ністра тихій вітер *повівати*,
Чорні хмари наступати,
До стала їх турецька погоня здоганяти.
Посікли й порубали. Там вуони й померли;
А їх слава не помре й не поляже.

—

16. Утверди, Господи, люду царського, императорського
І Самодержця Императора нашого Олександру Миколаїовича,
І всім слушающим пошли, Боже, много літ.

---

3. ПРО КОЗАКА ГОЛОТУ [1]).

1. 'Эй полем килиїмскім, битим, шляхом Ординьськимь
Гуляв козак Голота.
Не боявся вуон ні огню, ні води, ні болота.
Гуляв сім літ і чотирі
Та потиряв спуд себе чотирі коні воронії

—

2. А на козаку на голові опанчина рогозова,
Поясина хмеліова,
Сапоги сапьянові,
По мужичі—постоли лутові [2]),
Оборі шовкові—
У трое із валу не сукані.

—

3. На козаку на Голоті шапка-бирка,
А з верху дірка,
Шовком шита,
Буйним вітром пудбита,
А вокруги околиці не мае.

4. Вуон до города Килиі прибував
І город Килию прохождав,

---

[1]) Се б то такий козак вуон був ще до *Палія. Павло́.*

[2]) Лапті.—Вуон., значить, був шпиіон, ходив як хто де обращаеться. *Павло́.*

А ще слухав-прослухав,
Чи не радиться хто, чи не поряжається
На славну Україну гуляти.

—

5. Аж ніхто не радиться, не поряжається
На славну Україну гуляти,
А тільки поряжається три дуки-сребряники
Меду да віна, да ковитої горілки пудпивати,

—

6. Да вже сії слова зачував
Да скоріше шинкарки питає:
«Де єсть тут корчма новая
Й шинкарка молодая Настя Кобашня? [3])
Вуона для козаков хоть зла та обашня».

—

7. Вуон туда прибував,
У хату война, коло груби
Свої плечі пригрівав.
А туда дуки-сребряники прибували
Же з його насміхалися:
«'Эй ти, Насте Кобашня,
Будь ти для козака цього хоть зла та обашня!
Велили тобі оцю денежку приняти
Да норціового пива вточити,
Да сьому козакові на похмілля
Живіт його козацький скрипити».

—

8. Настя Кобашня тую денежку принімала,
На свою служку кликала—покликала:
«Служко моя! велю тобі од мене ключі забрати,
В погреб войти—одну бочку миновати,
А з другої норціового пива вточити
Оцьому козакові, бідному Голоті, на похмілля
Живіт його козацький скрипити.

—

[3]) Ото ж шинок зветься *кабак. Павло́.*

9. Служка ключі забрала
Да дві бочки обминала,
А з третіої бочки ковитої горілки вточила
Козаку Голоті на похмілля
Живіт його козацький скрипила.

—

10. Як узяв козак, бідний Голота, коновку за ухо,
Так стало на дні сухо:
Як став козак Голота козацький хміль зачувати,
Так став коновкою по мосту погрюкати.

—

11. До тогда дуки-серебряники стали к нему словами промовляти:
«Не подоба тобі коновкою погрюкати,
А подоба тобі йти за нас волів поганяти,
Або цюй шинкарці груб топить
Альбо хати підмітати.

—

12. До как став вуон сії слова зачувати,
Став ще лучче коновкою погрюкати,
Що стали вже в дуків-сребрянників
Чарки з стола й пляшки літати;

—

13. А сам став тогда поближе сідати
І став свій черес винімати,
Став сріблом, златом стіл устілати,
Став у вуокошки стиха словами промовляти:
«'Эй, ви, ріки, ріки бистрі,
Помошниці лейстровії!
Хоч ви помочі мені дадіте,
Хоч мене з собою заберіте!

—

14. До вже тогда козаки добрі-молодці добре дбали:
Один іде—козацьку одежду несе,
А другий—козацьку збрую несе.

—

15. Тогда вже як стали дуки—сребряники
Як стали на козаку Голоті тую одежу заглядати,
Стали до себе по ближе сажати,
Медом і вином витати;
Стала шинкарка стиха словами промовляти:
Ти, може, козаче, сїогодня чи снідав, чи обідав?
Ти б йшов у комнáту поснідав, чи пообідав.

—

16. До як стала його медами да винами витати,
До вже вуон не пье,
Та на свою одежу лье:
«Ой шати ви мої, шати дорогії,
Не мене шанують, а вас поважають!
Покудова я вас у себе не имів,
То поти мені й чести не було».

—

17. Тогда вуон велів дуков тих сребряників
Із за стола витягати,
Перед великим окошком покладати
І в три березині потягати.

—

18. *Один дук-сребряник—Грицько-Довгополенко,*
Другий—Ніжиньський Войтенко,
А третій—Черніговський Попаденко.

—

19. Ах ви ж, дуки, дуки!
Усі за вами луга й луки,
Що нігде за вами нашому брату й коня пасти.

—

20. Вуони вже й померли,
А їх слава не вмре, не поляже.

—

21. Утверди, Господи, люду и проч. [4])

---

[4]) См. стр. 123, строф. 16.

III. Изъ юмористическихъ.

ТЕЩА.

Ой поїхав Охрім за Вильну по хміль,
Та не купиз хмілю, та купив ячменю,
За цілих сім кіп—тільво і зо жменю.
«Тьфу—пек—його, кае, ма, як я торгувався»!...
Не їхав до дому, бо жінки боявся.
Та й поїхав же вуон та до тещі в гості.
Теща зятя та й пришанувала—
Дубовим прачем опанувала:
— «Оце тобі, зятю, оце тобі плата—
Посеред спини синяя лата».—
«Ой спасибі, тещеньку, ой спасибі, матінку,
Як жив буду, то вже не забуду,
А ше ж побачу, то ласкою оддячу».
Як побіг же зять од тещі втікать,
Не попав же вуон, куде люде ходять,
А попав—куда гуси лазять.
Як прибіг же вуон од тещі до дому,
То зарізав курицю-квочку,
Та насолив мяса та цілую бочку:
На верх неповна, а в дні зовсім нема нічого;
Та все ж то для тещі ласкавої, для привітливої,
А заколов комара, та наклав сала,
А зарізав муху, та начинив ковбас;
Все ж для тещі ласкавої, для привітливої;
А солому січе, та піроги пече,
А сіно смажить, та пироги маже,
І гавьядину варить, і дубину парить;
Та все ж для тещі неласкавої, непривітливої.
Пойшов зять тещу в гості звать:

«Прошу тебе, тещенько, до себе в гості,
До себе в гості на холодзію [1]),—
Не в який-то день—на святу неділю».
— «Що рада б зятю, до тебе в гості,
Так ні в чому пойти, ше й ні в чім поїхать:
Муж—у громаді, а кобила—в стаді,
Дуга—в лісі, а хамут—у стрісі,
Юповця—у кравця, черевички—у шевця,
А платочок—у краму, хто купить, то тому».—
«Пойди, теще, в вишневий садочок,
Вирви собі лопушину,
Та принеси собі хвартушину».—
Теща пойшла в вишневий садочок,
Вирвала три лопушині,
Й пошила сподничинку й фартушину.
Прибралась й прикукобилась, общупується й осматрюється
Сама собі удивляється, шо хмелиною підперезалась:
— «Тьфу—пекъ—його кае—ма, як я прибралась!»..—
Пойшла теща до зятя в гості.
Посадив зять тещу хороше на лавці:
До стіни очима, а на хату плечима,
Щоб моя теща мухи лічила.
Налічила теща тисячу й двісті...
«Оттепер уже тещі пора дать їсти!»
Давав зять тещі первую потравку:
Взяв за ноги тещу, та мордою 'б лавку.
Сорока че-че-че, а зять тещу січе
Тонесеньким дубцем-оглоблею-кінцем.
«Оце тобі, теще, і пива кірець й оглоблі кінець.
Тепер, теще, хоть сядь та й плач:
Оце тобі, матінку, за дубовий прач!
Ви хлопці—молодці пойдіть у лісочок,
Наберіте зілля тещі од похмілля,—

---

[1]) Хто його знае, що то за *холодзія,* так співають. *Павло́.*

І дубиночки, і клининочки, іще молодої шепшиночки».
Зятя вже теща та й не дожидала,
Да в вікно—двері *пані* показала,
Половину вбігла, половина на дворі...
«Ой ти сину Грицю, та подай тупицю,
Проклятій тещі натесать гузицю!»
Прибігла теща од зятя до дому:
—«Ой, діточки, діточки, збірайте трісочки,
Да топіте хату, нагріемъ окропу
Да попаримо ж...,
Бо зятів медок очень-дуже солодок,
А зятнее пиво у ноги вступило;
Оступітеся з печі, попарю ще плечі».—
Сушенька брехне, тещенька изіхне:
—«Ох мені лишечко, чи не зять знов іде?!—
Хату зачиняйте, двері замикайте,
Проклятого зятя в хату не пускайте».
Що вітер загуде, теща дума—зять іде,
Що курица киркне, теща і крикне.

Нѣжинъ,
1874 г., іюнь.

Изъ II тома «Записокъ» Юго-Запад. Отдѣла Импер. Рус. Геогр. Общ.
Напечатано по опредѣленію обыкновеннаго собранія Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 16 мая 1875 года.
Правитель дѣлъ Ал. Антоновичъ.

Типографія М. П. Фрица, Больш. Владим. ул., возлѣ памятн. св. Ирины, соб. д.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
21	8 снизу	онъ будетъ	онъ не будетъ
27	9 сверху	купала	Купала
29	9 снизу	не урожайное	неурожайное
30	1 сверху	*Другоі пречистоі*	*Другої Пречистої*
32	5 »	отъ	вн҃ѣ
37	8 снизу	южно-русскаго	Южно-Русскаго
41	13 »	Хорому	Хоролу
47	1 »	1)—3	13
56	стр. 123		стр. 53